

ЛИАНА РАЙТ

Мой босс –
КОЩЕЙ

Лиана Райт

Мой босс — Кощей

<https://litres.ru/74525079>

Аннотация

Лада привыкла к нормальной жизни: работа, кофе на вынос, деловым перепискам и старым домам, которые пахнут сыростью и чужими обоями. Проблема в том, что один дом оказался не просто сложным объектом, а мужчина, который привёл её туда, — не просто очень богатый, слишком спокойный и раздражающе умный начальник.

Вельский не давит, не уговаривает и не обещает. Он просто слишком быстро начинает видеть Ладу насквозь и перестраивать пространство вокруг нее так, будто она уже внутри его системы, даже если сама она ещё отчаянно держится за прежнюю жизнь. А прежняя жизнь трещит по швам: техника рядом с ней умирает, воздух ведёт себя неправильно, старые семейные сказки вдруг перестают быть сказками, а большой город оказывается не таким обычным и безопасным, как ей хотелось верить.

Некоторые двери лучше не открывать. Некоторых мужчин лучше не подпускать слишком близко. Но если Кощей уже решил, что ты — часть его мира, назад дороги не будет.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	44
Глава 3	68
Глава 4	95
Глава 5	122
Глава 6	140
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Пролог

Надо было идти работать на нормально ненормальных.

На редакторов в растянутых свитерах, на корректоров, чьи пальцы вечно испачканы типографской краской, на людей с пыльными рукописями и профессиональным неврозом, замешанном на дешевом кофе. Туда, где странность — это норма, а не повод для расстрела.

Но я пришла сюда. В стеклянный террариум на верхнем этаже бизнес-центра, где даже воздух казался стерилизованным, дорогим и слегка осуждающим за сам факт моего в нем присутствия. К мужчине, который смотрел на мир с таким видом, будто лично присутствовал при Большом взрыве, остался крайне недоволен качеством освещения и с тех пор ждет объяснительную от Творца.

Ноутбук стоял передо мной — мертвый, черный и холодный, как моя будущая карьера в «Группе Вельского». А мужчина напротив молчал. И эта тишина была хуже любого крика: она давила на перепонки, как глубина в несколько сотен атмосфер.

— Он сейчас включится, — сказала я.

Голос прозвучал с той отчаянной уверенностью, которую обычно используют люди, стоящие по колено в болоте и убеждающие прохожих, что это просто лечебные грязи.

Ноутбук не включился.

Я нажала кнопку еще раз. Сильнее. Снова. Ничего. Ни уютного гула кулера, ни спасительной вспышки логотипа. Просто идеально черный экран, в котором я, как в издательском зеркале, видела свое лицо: слишком бледное, слишком напряженное, совершенно неуместное среди этого темного дерева и полированного стекла.

Весь этот кабинет — Москва в окне, серый матовый день, тяжелый стол — казался декорацией к сцене, в которой меня сейчас аккуратно, без лишнего шума и пятен на ковре, сотрут из списка живых.

— Любопытно, — произнес он.

Спокойно. Негромко. Без малейшего признака раздражения.

И я в ту же секунду поняла: если бы он заорал или швырнул в меня этот свой стакан с кофе, было бы в разы легче.

Александр Леонидович стоял у края стола. Тёмный костюм сидел на нем так безупречно, будто был частью его анатомии. Ни одной лишней складки, ни одного случайного движения. Чёрные волосы, седина на висках — она не старила, она просто подчеркивала, что этот человек сделан из материала крепче человеческой плоти. Он казался слишком... цельным. Слишком структурированным для нашего хаотичного мира.

И взгляд. Ледяной. Светлый. Неприятно внимательный. С таким взглядом обычно выносят приговоры в тихих кабинетах, после которых люди просто исчезают с радаров.

— Простите, — я почувствовала, как горло перехватывает сухой спазм. — Я не понимаю. Пять минут назад он работал.

— Пять секунд назад, — сухо уточнил он, не отводя глаз.

Пять секунд назад у меня вообще была другая жизнь. Еще до этого кабинета, до этого взгляда, до ощущения, что реальность вокруг меня начала сворачиваться в тугую, черную воронку.

Я нажала кнопку еще раз, уже почти с ненавистью. Тишина в кабинете стала осязаемой, липкой. За окном медленно полз город, машины внизу казались игрушечными, и я вдруг с острой тоской подумала, что там — в пробках, в сыром ветре, в мате водителей — мир был нормальным. Там всё ломалось по законам физики.

А здесь всё было слишком под контролем. Кроме, очевидно, меня.

— Дайте мне телефон, — он протянул руку ладонью вверх.

Никаких лишних украшений, никаких «красных нитей из Таиланда» — только безупречно чистые линии, дорогие часы на запястье и длинные, красивые пальцы. Рука человека, который привык отдавать приказы одним жестом.

Я моргнула, пытаюсь выплыть из оцепенения.

— Простите?

— Мой телефон. Он был в списке на настройку. Дайте его мне.

Слова медленные, тяжелые, как удары колокола.

Точно. Телефон.

Я дернулась к столу, схватила тонкий черный аппарат и протянула ему, стараясь не задеть его пальцы своими — ледяными и дрожащими.

Экран был мертв.

Я нажала кнопку сбоку. Ничего.

Зажала дольше. Перевернула. Снова нажала.

Телефон не реагировал. Он просто превратился в кусок пластика и стекла прямо у меня в руках.

Внутри меня что-то очень тихо и окончательно оборвалось.

Нет. Пожалуйста, только не это.

— Он... — я осеклась.

Что я должна была сказать? «Извините, Александр Леонидович, кажется, моя аура сегодня работает как электромагнитный импульс и выжигает вашу технику в радиусе метра»?

Я подняла на него глаза.

Он смотрел уже не на мертвый аппарат. На меня.

И впервые за всё это время мне стало по-настоящему не по себе. Это не был страх перед начальником или боязнь облажаться на собеседовании. Это было чувство, что его внимание — слишком тяжелое, слишком точное — сейчас просвечивает меня насквозь, выуживая то, чего я сама о себе еще не знала.

— Вы нервничаете? — спросил он.

Тот же ровный голос. Та же пугающая вежливость.
Я почти оскорбилась.

— Нет, — ответила я на автопилоте.

Он перевел взгляд на ноутбук, потом на телефон в моей руке, и снова — на мое лицо.

— Разумеется, — в этом слове было столько скрытого смысла, что у меня вспыхнули уши.

— Я правда не знаю, как это произошло.

— Это очевидно.

— Что именно очевидно? — я уже не говорила, я почти блеяла, теряя остатки профессиональной брони под этим светлым, немигающим взглядом.

— Что вы не знаете, — произнес он так, будто просто озвучивал диагноз.

В этот момент мне до дрожи захотелось швырнуть этот безупречный телефон в стену, развернуться и бежать. Обратно в издательство. В пыльный архив. К редактору, который ненавидит людей, но хотя бы не заставляет тебя чувствовать себя неисправным механизмом.

Надо было идти работать на нормально странных.

Прежний работодатель хвалил меня за то, что я умею «держать расползающийся день в руках». Но сегодня мой день не просто расползлся, он превращался в прах, и я впервые в жизни была готова признать: я не справляюсь.

Глава 1

К пятнице я всё ещё работала у Александра Леонидовича Вельского, и это до сих пор ощущалось как административная ошибка, которую никто не заметил только потому, что у людей выше моего уровня есть дела поинтереснее, чем увольнять одну рыжую невезучую идиотку.

Прошло несколько дней после того, как в моих руках умерли сначала ноутбук, потом его сотовый, а меня, вопреки логике и инстинкту самосохранения компании, не выставили из офиса с коробкой в руках и фразой “мы вам перезвоним”.

Меня не только не выставили.

Мне дали доступ, стол, задачи и вид, будто всё это абсолютно нормально. Будто люди каждый день приходят на работу, в первый же день роняют начальству половину техники и спокойно продолжают карьеру.

Первые два дня я жила с ощущением, что меня просто забыли уволить.

На третий начала подозревать, что не забыли, а отложили.

К пятнице я поняла: нет, хуже. Меня оставили намеренно, и вот это как раз не давало покоя.

Я вышла из лифта с термокружкой, сумкой на плече и той степенью внутренней собранности, с какой обычно заходят либо на экзамен, либо в кабинет к стоматологу после недели

откладываний. Мне очень, очень нужно было просто дожить до вечера спокойно.

Пятница. Прекрасный день.

Все устали. Все хотят домой. Все становятся чуть человечнее. Все меньше дергаются. Все терпимее к мелким рабочим несовершенствам. По крайней мере, нормальные люди.

Я подошла к стеклянным дверям офиса, приложила пропуск и в ту долю секунды, пока зелёный огонёк не загорелся, успела представить, как дверь сейчас останется закрытой, а из динамика в потолке кто-нибудь буднично скажет: “Лада, всё, спасибо, хватит”.

Загорелся зелёный.

Уже победа.

Я вошла и привычно почувствовала, как офис принимает меня не как свою, а как временно терпимую. За эти дни он перестал быть совсем уж чужой планетой, но родным так и не стал. Слишком много стекла, слишком много света, слишком мало случайного шума. Всё здесь было как будто подогнано под чью-то очень точную руку, и я каждый раз невольно проверяла себя на наличие лишних движений.

Сегодня надо было просто прожить день. Не блеснуть. Не доказать. Не исправить всю репутацию сразу. Просто не добавит к ней новых пунктов.

Я поставила стакан у себя на столе, включила компьютер и только когда экран загорелся, позволила себе на секунду выдохнуть.

Работает.

Уже хорошо.

Это довольно унизительно — радоваться загрузившейся системе, как знаку личной милости вселенной, но, как выяснилось, у меня быстро формируются новые критерии счастья.

Я сняла пальто, убрала волосы за ухо, открыла почту и с благодарностью вцепилась в рутину.

Письма. Правки во встречах. Подтверждения. Пакет документов, который нужно было собрать. Таблица, где кто-то ночью опять сдвинул статусы по двум объектам и ничего не подписал, так что теперь предстояло играть в угадайку. Вот это я понимала. Это было человеческое. Расползающееся, раздражающее, но человеческое.

В этом я правда была хороша. Когда день начинает разваливаться на куски, мне проще, чем многим: я не паникую сразу, я сначала собираю. Уже потом можно сесть на кухне, выпить воды, уставиться в стену и внутренне умереть. Но сначала — собрать.

Это, наверное, и спасало меня всю неделю.

Пока я делала понятные вещи руками и головой, у меня получалось не думать, почему Вельский меня оставил. А не думать об этом было сложно. Потому что как только я начала думать, в голову лезло всякое. От “он просто очень занят и еще не дошли руки” до “он заметил во мне что-то, чего я сама не понимаю, и это гораздо хуже увольнения”.

Я отогнала последнюю мысль и полезла в календарь.

Пятница. Дожить до вечера. А там уже домой, душ, тишина, Макс, люди из нормального мира, у которых максимум драматизма — дедлайн и кривой код.

Вот за это и стоило держаться

В офисе была одна отвратительная особенность: чем дольше в нём находишься, тем яснее понимаешь, что здесь не бывает по-настоящему расслабленных людей.

Не в смысле, что все ходят строем и плачут в туалете.

Люди здесь были собранными не по инструкции, а по привычке.

Кто-то говорил тихо не потому, что “так положено”, а потому что давно понял: лишний звук не приносит пользы.

Кто-то проверял документ дважды не потому, что боялся истерики начальства, а потому что у Вельского, видимо, существовал отдельный талант замечать недоделанное раньше, чем ты сам успеваешь сделать вид, будто почти закончил.

У кофемашины стояли двое из финансового. В нормальных местах к пятнице кто-нибудь уже обязательно жалуется на пробки, недосып, цены или детей. Здесь тоже говорили, но с той осторожной сухостью, с которой разговаривают люди, знающие, что стены, конечно, не слушают, а вот воздух иногда может донести куда не надо.

Лена из юридического прошла мимо с папкой и телефоном, привычно удерживая на лице выражение “я ничего не чувствую, кроме согласований”. За ней шел парень из про-

ектного отдела, на ходу что-то проверяя в планшете с таким вниманием, будто от одной неверной цифры его лишат не премии, а фамильного достоинства.

Никто не бегал. Не суетился. Не нервничал в открытую.

Но в этом и была проблема. Мне уже хватило нескольких дней, чтобы понять: это не офис, где люди боятся босса, который любит кричать. Здесь кричать, возможно, даже считалось лишним. Тут Вельского держали в голове постоянно. Как погоду. Как линию тока. Как что-то, что не надо комментировать, но надо учитывать.

И это, честно говоря, пугало сильнее.

Потому что с орущими начальниками всё ясно. Их можно ненавидеть, переждать, обсуждать на кухне, изображать профессиональное уважение и внутренне крутить пальцем у виска. А с мужчинами, рядом с которыми все просто чуть точнее подбирают слова, всё сложнее. Они не дают внятного повода для бунта. Они просто действуют людям на нервы одним своим присутствием.

Я открыла файл по утренним задачам и, не поднимая головы, поймала кусок разговора с соседнего стола.

— Нет, лучше сразу отправь, не жди.

— Сейчас?

— Сейчас, — сказано было с нажимом. — Пока он не спросил сам.

Никакой паники. Никакого “господи, он убьёт”. Просто сухой, почти деловой инстинкт: если можно доделать до то-

го, как Вельский это заметит, лучше доделать.

Вот и вся картина.

Если бы кто-то спросил меня напрямую, боятся ли здесь Вельского, я бы, наверное, сказала нет. Не тем словом. Здесь не боялись как школьники директора. Здесь не дрожали, не приседали на слове “Александр Леонидович”, не крестились вслед. Но и расслабленности я не видела ни разу. Даже когда его не было на месте.

Это чувствовалось в паузах. В том, как люди не говорили “и так сойдёт”. В том, как никто не оставлял мелкие недоделки на потом, если знал, что это потом может попасть ему на глаза.

Я бы, может, и сочла всё это просто корпоративной культурой, если бы сама не ощущала то же самое телом. Не потому что он мне что-то сделал — кроме того, что не уволил после катастрофического начала. А потому что рядом с ним хотелось выпрямиться, дышать тише и думать быстрее. Как будто если расслабишься хоть на секунду, тебя не сожрут, нет. Просто увидят слишком ясно.

А это, возможно, было хуже.

До половины десятого всё шло почти хорошо.

То есть не “я наконец освоилась и стала одной из них”, нет. Просто в том смысле, в каком у взрослого человека “почти хорошо” означает: ничего из техники не умерло, никто не смотрит на тебя как на кадровую ошибку, ты успела ответить на письма раньше, чем о них напомнили, и ещё не пролила

кофе на документы с многомиллионными суммами.

Я разобрала утреннюю почту, свела изменения по двум встречам, вытащила из общей переписки нужное письмо для юристов, перепроверила пакет по “Северному кварталу” и даже поймала себя на опасной мысли, что, возможно, я правда смогу здесь работать, если мир перестанет устраивать вокруг меня техногенный апокалипсис.

Работа была понятная, и это спасало. Не в смысле “лёгкая”. Здесь вообще ничего не было лёгким, потому что даже самые простые вещи почему-то ощущались так, будто где-то на фоне всё равно решается что-то огромное, дорогое и очень не моё. Но сами задачи я понимала.

Календарь. Координация. Документы. Письма. Напоминания. Всё то, во что можно вцепиться и не думать.

Вельский жил не в хаосе. У него не было странной творческой помойки в голове, которую героически разгребает несчастная помощница. Наоборот. У него было столько структуры, что человек чуть менее собранный, чем я, мог бы в ней просто захлебнуться. Но и в структуре всегда есть место, где кто-то не дослал, кто-то сдвинул время, кто-то за чем-то решил, что подписывать файл можно как попало. Вот там я и была полезна.

Мне даже нравилось это ощущение, когда расплзающийся день можно аккуратно вернуть на рельсы раньше, чем он успеет превратиться в бардак.

Я уже успела составить для себя внутренний список ве-

щей, которые здесь считаются нормой: отвечать быстро; не переспрашивать трижды одно и то же; не носить руководителю полусобранную мысль; не думать, что “потом” — это рабочая стратегия.

С этим я жила спокойно.

С тем, что в первый день убила его технику, — не очень. Поэтому каждое маленькое рабочее удачное действие приносило странное, почти детское облегчение.

Отправила письмо. Загрузила файл. Подтвердила время. Внесла правку. Всё работает. Всё в порядке. Ты не проклятие. Ты просто сотрудница. Обычная.

Я открыла внутреннюю систему доступа к папкам по объектам и на секунду задержалась взглядом на одном из адресов, который за эти дни слишком часто мелькал в письмах и таблицах.

Старый дом, серая служебная подпись, ничего особенного. Обычная строка в обычном списке. Но даже от этого короткого взгляда по спине прошло неприятное чувство, как от слишком холодного воздуха.

Я быстро закрыла вкладку.

Не сейчас.

Я не собиралась посреди пятницы разбираться, почему обычный адрес в рабочей системе отдаётся у меня в висках так, будто я сунулась не туда.

Мне нужно было держаться за понятное. За таблицы, сроки, письма и конкретные фамилии живых людей. Не за эту

чушь.

Я взяла телефон и открыла переписку с Максом. Иногда этого было достаточно, чтобы мир снова становился чуть более нормальным.

От него уже висело: *Сегодня живой вечер или тебя опять выкрал твой ледяной олигарх?*

Я фыркнула.

Ледяной олигарх. Если бы ты знал, Макс.

Я напечатала: *Сегодня живая. Планирую даже без спец-эффектов.*

Потом подумала и добавила: *Если вселенная не решит иначе.*

Макс ответил почти сразу: *Тогда вечером кормлю тебя едой и возвращаю к человеческому виду.*

Вот. Нормальный мужчина из нормального мира. С едой. Без ощущения, что рядом с ним у людей меняется кровяное давление. Очень полезно было помнить, что такая реальность у меня ещё есть.

Я убрала телефон и снова вернулась к работе, почти поверив, что пятница всё-таки закончится без новых приключений.

Это, конечно, было наивно.

Обычно Вельский не объявлял о своём появлении ничем, кроме факта появления. Никто не бежал впереди с фанфарами, никто не говорил: “Александр Леонидович идёт”. Но я уже заметила: пространство как будто само немного пере-

страивалось раньше, чем он доходил до нужной точки.

Вот и сейчас я сначала увидела, как Лена из юридического, шедшая через орел спрсе с двумя папками, на ходу одним движением поправила верхнюю. Потом парень из проектного чуть быстрее захлопнул лишнюю вкладку на экране. Потом кто-то у кофемашины резко вспомнил, что ему вообще-то срочно надо не сюда.

И только после этого подняла голову.

Вельский шёл от лифтов к своему кабинету с чашкой кофе уже в другой руке и телефоном у уха. Пальто с него, видимо, сняли внизу или на входе в блок, темный костюм сидел так, будто на нём одежда вообще не могла позволить себе складку без разрешения. Он говорил негромко, почти ровно, и я не слышала слов, только интонацию: короткую, без лишнего воздуха. Не раздраженную, не мягкую. Просто такую, после которой собеседник на том конце, скорее всего, перестаёт тратить его время.

Он закончил разговор еще на ходу, убрал телефон, кивком поймал кого-то из аналитиков, двумя фразами сказал что-то Лене и уже почти прошёл мимо моего стола, когда задержался.

Не резко. Просто остановился ровно там, где надо.

— Доброе утро, Лада.

Я подняла глаза от открытого файла.

— Доброе утро, Александр Леонидович, — ответила я самым формальным тоном из возможных.

— Перенос по “Северному кварталу” подтвердили? — спросил он, снова опуская глаза в телефон.

— Да. Одиннадцать двадцать. Материалы у вас на почте и в папке на столе.

— Хорошо, — его взгляд скользнул по экрану моего компьютера, по заметкам у клавиатуры, по стакану кофе, в котором уже почти ничего не осталось, и на секунду вернулся ко мне. — Как у вас с доступами?

Вопрос был задан совершенно рабочим тоном. Настолько спокойно, что если бы не моя прекрасная нервная система, я бы, может, и ответила спокойно.

Но после той сцены с его телефоном мне в каждом подобном вопросе чудился второй слой.

— Пока всё работает, — сказала я.

— Пока?

— Я стараюсь не загадывать, — хотелось бы мне чтобы это прозвучало как шутка.

Он смотрел ещё секунду. Потом кивнул, будто отметил что-то для себя, и пошёл дальше.

И вот это было хуже, чем если бы он сказал что-нибудь колкое.

Потому что в коротком “Как у вас с доступами?” мне почудилось слишком многое. Не насмешка. Не укол. А именно память. Он помнил. И мне было неприятно важно, что он помнил.

Я уставилась в монитор, не видя текста перед собой.

У человека вроде Вельского наверняка сотни задач. Миллионы дел. Десятки людей. Почему меня вообще должно волновать, что он держит в голове одну неудачную историю с техникой? Но меня, к сожалению, волновало.

Наверное, потому что это означало: я не растворилась в потоке. Не стала незаметной маленькой сотрудницей, которая просто выполняет поручения и не оставляет следа. А мне сейчас очень хотелось именно этого — стать незаметной, полезной, удобной, скучной.

Вместо этого я, кажется, осталась для него каким-то вопросом.

И это бесило.

К полудню я уже снова увидела достаточно, чтобы утвердиться в простом выводе: дело было не в том, что Вельский “строгий”.

Строгих начальников я видела. Людей, рядом с которыми стараются не косячить, тоже. Людей, которых уважают, боятся потерять, перед которыми хотят выглядеть лучше, — полно. Но здесь была другая штука. Более тихая. Почти физическая.

Света из внутреннего блока принесла ему на подпись папку, замедлилась у двери на полсекунды, открыла, вошла и вышла через минуту уже с другим лицом. Не напуганным. Просто еще более собранным, чем до этого, как будто за дверью ей напомнили, что слова вообще-то нужно выбирать по весу.

Парень из аналитического прислал мне файл с припиской: Проверь, пожалуйста, прежде чем нести.

Не “если успеешь”. Не “на всякий случай”. А именно “прежде чем нести”. Как будто мысль “нести непроверенное Вельскому” уже сама по себе была формой вредительства.

Лена, возвращаясь из малого зала, бросила мне тихо:

— Там в третьем пункте еще раз цифру сверь.

— Уже, — ответила я, не поднимая глаз от экрана.

— Всё равно ещё раз.

И пошла дальше.

Вот так это и работало.

Не страхом в лоб. Не служебной истерикой. А тем, что никто не хотел оказаться перед ним с чем-то рыхлым, не готовым или недодуманным.

Я иногда ловила себя на почти неприличном любопытстве: а каким он должен быть, чтобы весь этот очень взрослый, очень дорогой, очень профессиональный офис жил с такой внутренней выправкой? Не тиранической — это было бы проще. Не истерической. А именно выверенной. Как будто здесь давно привыкли, что он видит быстрее, чем большинство успевает придумать оправдание.

С этой мыслью было неприятно легко согласиться.

Когда он шел по открытому пространству, люди не замолкали в ужасе, нет. Но разговоры как-то естественно заканчивались, лишние движения прекращались сами собой, а у меня каждый раз по позвоночнику проходило знакомое: со-

берись.

И хуже всего было в том, что он сам как будто вообще не давил специально. Не играл. Не позировал. Не наслаждался эффектом. Он просто был таким, и пространство под него подстраивалось.

Ужасно нечестное качество в человеке.

Я сидела над сводкой по одному из объектов, когда в конце ряда столов кто-то тихо засмеялся над чем-то в телефоне, потом сразу осёкся и поднял глаза. Я тоже машинально посмотрела туда. Вельский как раз выходил из кабинета, и парень, встретившись с ним взглядом, не побледнел, не сжался, ничего такого. Просто мгновенно убрал телефон и развернулся к экрану. Как человек, который сам понял, что отвлекся не вовремя.

Вот и всё.

Именно это и было во всём офисе: рядом с Вельским люди вспоминали о своей форме. Не мятой рубашке и не деловом этикете. О внутренней.

Я бы, может, и восхитилась этим, если бы сама не чувствовала себя среди них человеком, который может в любой момент снова уронить что-нибудь невидимое и дорогое.

К обеду я почти расслабилась.

Ровно настолько, чтобы жизнь сразу решила напомнить, кто здесь хозяин.

Мне нужно было занести Вельскому один пакет бумаг из внутреннего блока — обычная рабочая мелочь, не перего-

воры, не судьба города, не многомиллионная сделка, просто подписанный пакет и пара уточнений по времени следующего звонка.

Я встала, взяла папку, прошла через рабочую зону к стеклянной двери, за которой начинался закрытый коридор с его кабинетом и малой переговорной, приложила пропуск — красный.

Я моргнула.

Приложила еще раз.

Красный.

Считыватель коротко пискнул, и в этом звуке было столько бесстрастного “нет”, что у меня дернулась щека.

Я оглянулась по сторонам. Никто вроде бы не смотрел. Прекрасно. Значит, можно сделать вид, что это рядовая техническая пауза, а не очередной акт личного унижения.

Ещё раз.

Красный.

Я сжала зубы.

— Да ну серьёзно, — в моём голосе было ровно столько злости, чтобы потом самой стало стыдно, если кто-то услышал.

Я отступила на полшага, посмотрела на карту, на дверь, снова на карту. Пластик как пластик. Мой. Рабочий. Ничего не предвещает. Дверь как дверь. Стеклянная, чистая, дорогая и, видимо, лично против меня настроенная.

Я приложила ещё раз, уже медленнее, будто считыватель

можно было уговорить вежливостью.

Красный.

— Лада? — я так резко обернулась, что папка чуть не выскользнула из рук.

Ну конечно.

Вельский.

Он стоял в нескольких шагах позади, без пальто, с телефоном в руке и тем самым лицом, на котором не было ничего, кроме вежливого внимания. Я уже начинала подозревать, что именно это внимание и есть самая вредная форма давления на свете.

— Пропуск не срабатывает, — сказала я раньше, чем он успел задать вопрос. Слишком быстро, как будто уже оправдывалась.

— Вижу.

И всё.

Я очень не люблю, когда люди говорят “вижу”, если мне и так очевидно, что они видят.

— Наверное, опять система, — добавила я, стараясь, чтобы это прозвучало нормально, а не как “я клянусь, это не я”.

— Наверное, — сказал он.

Вот это его “наверное” я начинала ненавидеть отдельно.

Он подошёл ближе, и мне пришлось отступить, чтобы не оказаться вплотную к двери. Его взгляд скользнул по считывателю, по моему лицу, по карточке в моей руке.

— Дайте.

Я молча отдала пропуск.

Он приложил его сам.

Зелёный.

Дверь щелкнула и открылась так легко, что мне захотелось честно сказать ей что-нибудь оскорбительное.

Несколько секунд я просто смотрела на загоревшийся зелёный.

Потом на дверь.

Потом на пропуск у него в руке.

Потом на Вельского.

— Прекрасно, — сказала я.

— Не то слово.

Нет. Ну конечно. Почему бы и нет.

— Вы сейчас смеётесь надо мной?

— Нет.

— А ощущение обратное, — слова вылетели прежде чем я успела прикусить язык. Раньше я так не хамила на работе. Впрочем, раньше у меня и не было настолько несносных и тяжелых начальников.

— По мне вообще редко что-то можно сказать уверенно.

Я чуть не закатила глаза. Чуть. Потому что всё-таки инстинкт самосохранения еще держался.

— Можно? — я протянула руку за картой.

Он отдал её сразу, но в глаза при этом смотрел так спокойно, что у меня от этого спокойствия снова поднималось внутреннее бешенство.

— Если с доступом ещё раз будет что-то подобное, сообщайте сразу, — сказал он. — Не надо стоять здесь и пытаться продавить дверь характером.

Я уставилась на него.

— Я не пыталась продавить дверь характером.

— Нет?

— Я пыталась открыть её пропуском.

Что-то едва заметно изменилось в его лице. Не мягкость. Даже не улыбка. Просто на миг в нем проступило что-то живое.

И именно поэтому я разозлилась еще сильнее.

Потому что это было уже не просто неловко. Это становилось повторяющейся историей. А повторяющиеся истории очень быстро приобретают репутацию, и мне совершенно не нужна была репутация сотрудницы, рядом с которой барахлит всё, включая стеклянные двери.

Он не ушёл.

Это было хуже, чем если бы он открыл дверь, вернул карту и пошёл дальше по своим богато-ледяным делам.

Вельский стоял рядом, и в его молчании уже почти физически чувствовалась мысль. Не высказанная, не оформленная, просто наличие. Он явно что-то складывал в голове. И мне совсем не нравилось, что объектом этих вычислений снова была я.

— Это начинает повторяться, — сказал он наконец.

Вот.

Вот оно.

Я обожаю, когда мой личный ночной страх формулируют вслух мужчины в идеальных костюмах.

— Это пропуск, — ответила я. — У систем бывает сбой.

— Бывает, — он чуть склонил голову, это можно было бы принять за согоасие с моим аргументом, если бы я не успела изучить его хоть немного за прошедшую неделю и не понять, что он никогда ничего не говорит и не делает просто так.

— Тогда не очень понимаю, зачем вы так на меня смотрите.

— Как именно?

Это был ужасный вопрос, потому что в нормальном мире на него нет хорошего ответа.

“Как именно” — это из тех фраз, после которых либо врешь, либо говоришь лишнее.

— Будто я опять что-то сломала, — сказала я. Ну да, конечно, если не признавать факт закономерности и того, что когда я асихую рядом со мной глохнет техника это точно что-то изменит в моих сложных отношениях с принтером, компьютером или пропускной симтемой.

— А вы сломали? — Вельский смотрел спокойно и черт... Лучше оказаться на допросе инквизиции чем под таким взглядом.

— Нет, — ответила я слишком быстро.

— Тогда в чём проблема?

Я стиснула папку крепче.

Проблема была в том, что я уже не понимала, это он правда такой невозможный или у меня рядом с ним начинаются когнитивные искажения. Потому что с одной стороны, ничего откровенно ужасного он не говорил. А с другой — после каждой такой спокойной фразы хотелось или огрызнуться, или выйти в ближайшую дверь и быстро не оглядываться.

Он забрал у меня папку, открыл дверь шире и жестом предложил проходить первой. Обычный вежливый жест. Настолько обычный, что он бесил почти сильнее всего остального.

— После вас, — слова произнесены совершенно ровным голосом, а внутри желание выпрямить спину и быть идеальной.

Я прошла мимо, слишком остро чувствуя, где именно он стоит.

Сухой запах кофе, холодного воздуха с улицы и чего-то ещё очень чистого. Не парфюм в его обычном смысле. Не офис. Не мужская сладость, которой любят пользоваться самодовольные люди. Что-то более сухое, почти древесное, но без тепла дерева. И от этого у меня опять пошли мурашки, как от сквозняка.

Чёрт.

Я ненавидела, когда тело что-то решает без меня.

Он вошёл следом, закрыл дверь и положил папку на край стола.

— Вы хорошо работали эти дни, — сказал он.

— Это что сейчас было? — я моргнула совершенно ошарашенно. Вот уж чего я не ожидала, так это этого.

Он посмотрел на меня спокойно, без раздражения и без спешки.

— Наблюдение.

— И зачем вы решили поделиться им именно сейчас?

— Чтобы не тратить время на лишнее.

Слишком поздно.

— Я не трачу, — сказала я автоматически и сразу поняла по собственному голосу, как неубедительно это прозвучало.

Он поднял на меня глаза.

— Разумеется.

Я глубоко вдохнула.

— Если вы хотите сказать что-то конкретное, лучше скажите сразу.

Несколько секунд он просто смотрел на меня, как будто решал, сколько именно правды я сейчас выдержу и стоит ли вообще тратить на это пятничный день.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я не думаю, что вы намеренно что-то ломаете.

От неожиданности я даже не сразу нашлась с ответом.

— Как великодушно.

— Не стоит превращать это в сцену, Лада.

Он на миг замолчал, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на мысль, которую он не собирался показывать.

— Я всего лишь констатирую: рядом с вами уже второй

раз за неделю происходит сбой, который мне не нравится.

Вот так. Спокойно. Буднично. Как будто речь шла не обо мне, а о детали в системе, которая пока ещё держится, но уже начала вести себя подозрительно.

— Мне они тоже, знаете ли, не нравятся, — сказала я.

— Верю.

— Тогда, может быть, начнём с версии, что дело не во мне?

Вельский чуть наклонил голову, рассматривая меня так, будто вопрос и правда заслуживал внимания.

— Возможно.

Опять.

Я уже начинала думать, что однажды задую его именно этим словом.

— Вы специально так говорите? — спросила я.

— Как именно?

— Как будто у вас на всё заранее припасён ответ, после которого человек либо злится, либо чувствует себя идиотом.

Он посмотрел на меня спокойно.

— Полезная привычка.

— Для кого?

— Для меня, разумеется.

Ну конечно.

Я смотрела на него и не понимала, что бесит сильнее — его спокойствие, его сухая точность или то, что под этим разговором уже проступало что-то, чего там быть не должно. Не

флирт, нет. И не игра. Хуже. Какое-то слишком живое трение для обычной рабочей перепалки.

Мне не нравилось чувствовать это в малой переговорной посреди дня. Не нравилось, что он, кажется, выдерживает это вообще без усилия, а у меня внутри всё идёт мелкой злой рябью.

— Я не хочу быть для вас экспериментом, — сказала я резче, чем собиралась.

Он на миг замолчал.

— Тогда не ведите себя как редкая аномалия, — сказал он так же спокойно.

Я даже не сразу нашлась.

— Это вы сейчас серьёзно?

— Более чем.

— Вы вообще слышите себя со стороны? — не выдержала я.

— Обычно да.

— Тогда вам должно быть понятно, почему после таких фраз людям хочется вас чем-нибудь ударить.

— Чем-нибудь тяжёлым?

Я мрачно указала на папку в его руках.

— Например, этим.

Он опустил на папку взгляд.

— Плохой выбор. В ней документы.

И вот тут я всё-таки фыркнула — коротко, зло, почти против воли.

Потому что это была шутка. Плохая, сухая, раздражающая, но всё-таки шутка.

И он это заметил.

Не то чтобы его лицо от этого вдруг стало человеческим. До такого нам было еще очень далеко. Но в нём что-то едва сдвинулось, и этого уже хватило, чтобы меня это насторожило еще сильнее.

— Отлично, — сказала я. — Тогда в следующий раз беру что-нибудь менее ценное.

— В следующий раз лучше просто скажите сразу.

— Что именно?

— Что что-то снова работает не так, — он ответил резко, а после сжал челюсти будто наказывая себя за излишне злой тон.

— То есть вы уже заранее уверены, что это повторится?

— Я предпочитаю учитывать повторяющиеся вещи.

— Я не вещь, — глупая фраза, она вырвалась прежде чем я успела подумать.

Он посмотрел на меня спокойно, без спешки, и от этого мне снова захотелось наговорить лишнего.

— Этого я пока не говорил.

— Но подумали, — сказала я после того, как на мгновение прикрыла глаза.

— Возможно.

Опять. Опять не понятно, он пытается пошутить, говорит саоьезно, или, не приведи боги, пытается заигрывать со

мной? Это раздражало сильнее любой грубости. Потому что рядом с ним всё время приходилось собирать себя обратно, как будто он одним своим тоном выбивал меня из равновесия и одновременно с этим делал мир вокруг совершенно идеальным и приятным для себя самого.

Я выпрямилась, забрала у него папку и сказала уже ровнее:

— Я занесу это после встречи.

— Хорошо, — он безразлично кивнул.

На этом всё могло закончиться.

Но, разумеется, не закончилось.

Когда я уже взялась за ручку двери, он вдруг сказал:

— Лада.

Я обернулась.

— Да?

Он помолчал секунду, словно решая, стоит ли вообще это говорить.

— Если вам вдруг станет нехорошо, вы скажете сразу.

Вот теперь я замерла уже по-настоящему.

— С чего бы мне стало нехорошо? — по спине пробежал холодок, а пальцы на мгновение вздрогнули.

— С того, что вы с утра слишком старательно делаете вид, будто у вас всё в порядке.

Это не был вопрос. И хуже всего было в том, что он, кажется, правда это видел.

Я мгновенно разозлилась — даже не на него, а на то, как

остро мне не понравилось, что он заметил и это тоже.

— У меня всё в порядке.

— Да? — он чуть поднял бровь — максимальный уровень иронии который я вообще у него видела.

— Да.

Он смотрел на меня спокойно, без нажима, и от этого хотелось огрызнуться ещё сильнее.

— Просто запомните, — посторил Вельский так, будто это и правда было важно. — Если станет нехорошо, говорите сразу. Не после.

Мне очень хотелось спросить, с каких пор его вообще волнует моё самочувствие. Но это уже был бы разговор, в который я точно не планировала начинать посреди пятницы.

— Я в состоянии сама понять, когда мне нехорошо, — ответила я.

— Хотелось бы верить.

Вот и всё. Одной этой фразой он снова умудрился задеть именно так, где не надо.

— Я в порядке, — сказала я уже холоднее.

Он чуть заметно кивнул, как будто услышал, но не принял.

— Хорошо.

И от этого его “хорошо” мне стало совсем не хорошо.

Я дотерпела до служебной кухни только потому, что не могла позволить себе сесть за стол сразу после этого разговора и делать вид, будто ничего не произошло.

На кухне было пусто.

Белые шкафы. Слишком тихий холодильник. Кофемашина, которой я всё ещё доверяла меньше, чем бумажному стакану из ближайшей кофейни. И окно на серый день.

Москва с высоты всегда немного успокаивала. Даже когда внизу всё ползло, гудело и материлось в пробках, сверху она казалась терпимее. Как будто стоит подняться повыше — и чужая нервотрепка уже не так настойчиво лезет под кожу.

Я поставила ладони на край столешницы и выдохнула.

Вот что за человек, а?

Нет, серьёзно.

Я понимала, что он не хамит в лоб. Понимала, что, вероятно, даже не пытается меня унижить специально. Понимала, что в его мире все эти сухие формулировки, спокойные вопросы и отвратительное “возможно” не считаются формой издевательства.

Но меня всё равно трясло.

Не от страха даже. От того, что рядом с ним мне пришлось собирать себя буквально руками. Как волосы в тугий хвост, когда ветер и так всё растрепал.

Я не любила это состояние. Не любила чувствовать себя заметной, не любила, когда меня считают быстрее, чем я успеваю собраться, не любила, что он вообще всё это помнит — от мертвого ноутбука до того, как я стояла перед ним с его отключившимся телефоном и делала вид, что сейчас не умру от стыда.

И ещё сильнее не любила, что сама думаю о нём больше, чем надо.

Я взяла стакан воды, выпила половину и уставилась в окно.

Пятница. Всего лишь пятница.

Обычная человеческая пятница.

Вечером Макс. Нормальный вечер. Еда. Может, кино. Может, просто диван и разговоры про его работу, где максимум мистики — серверы, которые падают в самое неподходящее время.

Мне надо было держаться за это. За понятное. За то, где никто не смотрит на тебя так, будто ты уравнение, в котором уже начали находить закономерности.

Я закрыла глаза на секунду.

Не дать ему сделать из себя поломку. Вот и всё. Не дать ему посмотреть на тебя так, будто ты не сотрудница, а странный сбой в чистой системе.

Я допила воду, выпрямилась и посмотрела на своё отражение в темной стеклянной полосе кофемашины. Нормальное лицо. Усталое, но нормальное. Рыжие волосы, чуть злее глаза, чем хотелось бы, губы сжаты сильнее, чем стоит.

Ну и прекрасно.

Значит, пойдём дальше.

Если эта неделя чему-то меня и научила, так это тому, что лучшее оружие против неловкости — не утонуть в ней.

Сделать следующее письмо. Следующую таблицу. Следу-

ющий звонок. Дожить до конца дня и не начать внутренне выть раньше времени.

Я поставила стакан в раковину и пошла обратно.

Сегодня я ещё могла быть просто Ладой. Не странностью. Не аномалией. Не женщиной, рядом с которой техника начинает вести себя как истеричная сволочь. Просто сотрудницей, которая умеет держать разваливающийся день в руках.

Хотя бы до вечера.

Ближе к концу рабочего дня я уже почти поверила, что пятница сжалится и отпустит меня с минимальными потерями. Встречи закончились, осталась пара писем, перенос одного звонка, короткая сверка с юристами и надежда, что дальше мир будет вести себя как приличный.

Я как раз закрывала файл, когда на внутренней почте пришло короткое сообщение.

Зайдите.

Без подписи. Без уточнений. Без “пожалуйста”, потому что люди вроде Вельского, видимо, давно заслужили право не тратить время на декоративную вежливость в очевидных ситуациях.

Я постучала и остановилась на пороге.

У него в кабинете уже было темнее, чем днем. За окном серый город медленно стекал к вечеру, на стекле отражался свет настольной лампы, а сам Вельский стоял у окна с телефоном в руке и, как мне показалось, в более плохом настроении, чем обычно. Хотя, возможно, у него просто было на

полградуса меньше терпения, и этого уже хватало, чтобы вся атмосфера в комнате становилась жёстче.

— Завтра вы едете со мной, — сказал он так, будто речь идет о просьбе принести кофе или распечатать документы.

Я моргнула от неожиданности. Такого завершения недели я точно не ждала, хотя учитывая всю прошедшую неделю — следовало бы...

— Простите?

— На объект.

— Завтра суббота.

Он молча кивнул, глядя на меня с видом мученика, у которого отнимают время вечером глупостями.

— Не вижу нет предмета для спора, — сказал Вельский наконец.

О, ещё как есть.

Я закрыла за собой дверь и подошла ближе. Не слишком. На ту дистанцию, где ещё можно делать вид, будто это сугубо рабочий разговор, а не попытка понять, почему этот мужчина опять так легко двигает мой график, как будто он не из живой ткани сделан.

— У меня могут быть планы на субботу, — сказала я.

— Могут, — снова согласие, но не отступление.

— И вас это не смущает? — дурацкий вопрос, он вообще знает что это такое?

— Нет, — честно. Лаконично. Ужасно. Чего еще я могла ждать от него?

Я моргнула.

— То есть?

— Мне нужно, чтобы вы посмотрели один дом вместе со мной.

— Зачем? — я непонимающе посмотрела на него. — Если вам нужно внести что-то в планер или договориться, или что-то что относиться к обязанностям помощника я могу сделать это удаленно, — предложение показалось мне совершенно рациональным и очень щедрым на первый взгляд.

— Затем, что мне так будет удобнее, — сказал Вельский с лицом человека, которому приходится объяснять, что Земля вообще-то шарик, который крутится вокруг Солца.

— Это даже не ответ.

— В десять, — я прищурилась, внимательно глядя на него. На породистом лице не дрогнул ни один мускул. — Адрес... — он задумался, будто выстраивал свое утро и думал, как ему и правда будет удобнее построить логистику.

— Завтра суббота, — тупо повторила я, будто это могло что-то изменить.

— Верно, — вот это злило, он совершенно не спорил со мной, он просто не считал что выходной является достойным аргументом чтобы не откликнуться на любезное предложение выйти внеурочно.

— И? — я даже глаза вытращила от такого наглого и совершенно непробиваемого покушения на мой выходной. Точнее сказать, покушения не было, он просто изменил мой

график и теперь ставил меня в известность перед этим фактом.

— И для вас это будет рабочий день, — эти слова подтвердили самые худшие опасения. — Не опаздывайте, на объекте нас будут ждать люди.

Я уставилась на него. Конечно, он не только занимает субботу себе, он не только вырывает меня из дня, когда можно выспаться, сходить на свидание или заняться стиркой, на которую я, признаться честно, забила, он умудряется испортить день и другим своим подчиненным. Глубокий вдох не помог и мне показалось, что рядом с ним я превращаюсь в худшую версию себя: более раздраженную, более колючую, более живую, чем допускает деловой этикет.

— Вы очень спокойно отбираете у людей выходные, — голос вышел ровным, но внутри все кричало от обиды.

— Обычно я отбираю у них время более дорогими способами.

Он сказал это слишком спокойно — так, будто я сейчас не спорила с ним, а просто создавала обычный рабочий шум, который он уже мысленно куда-то записал.

— Это что, шутка?

— Нет, — он перевел взгляд мне за спину, как бы демонстрируя, что разговор начал его утомлять и он и правда не видит причин для упрямства, ведь у меня нет другого выхода, кроме как согласиться.

Я прикрыла глаза на секунду.

Макс.

У нас правда были планы. Ничего великого, не поездка за город, не кольцо и не совместная ипотека. Просто нормальные человеческие выходные. И именно поэтому новость ударила так неприятно: по нормальной жизни всегда обиднее всего попадают вот такие точные рабочие вторжения.

— Если я скажу, что не могу? — спросила я.

— Скажите, — предложил он.

— А потом? — в гооосе прозвучала надежда, нет, уже не на то что он отступит, а на возможное предложене не выходить в понедельник.

Да, зарплата была конечно соблазнительной, но кажется все же не перекрывала неудобств этой работы. Гордость не позволит мне уйти в начале испытательного срока, а вот объяснять всем что меня уволили за то, что я до последнего отстаивала свое право на выходной не выглядело стыдно.

— А потом в десять я буду ждать вас у офиса, — у меня даже не сразу нашлось, что на это сказать. Я просто задохнулась от его спокойного взгляда, который вернулся ко мне и задержался на некстати выбившейся из пучка рыжей пряди.

Невозможный, с ним просто не получается спорить! Он всегда получает свое, так или иначе. Он не грубил и не приказывал, не ударял кулаком по по столу. Просто ставил перед фактом. Спокойным, собранным, уже решенным фактом. И почему-то от этого бесило сильнее.

Вельский смотрел на меня несколько секунд. Не давил.

Не отводил взгляд. Просто ждал, как будто был абсолютно уверен: я поеду.

Самоуверенный сухарь.

Ледяной, собранный, невыносимый сухарь с ранней сединой на висках и очень дурной привычкой всегда говорить так, будто спорить с ним можно, но бесполезно.

— Хорошо, — сказала я наконец. — Я буду.

— Хорошо., — он ответил так, будто и правда не сомневался в оом, что я приму единственно верное по его мнению решение.

— Но если выяснится, что всё это можно было решить без субботнего выезда, я вам это ещё припомню.

— Верю.

Вот тут мне почти захотелось рассмеяться.

Почти.

Он взял со стола ключи от машины и коротко добавил:

— Не опаздывайте, — повторил он.

— А то что? — я не удержалась от яда с примесью злобы. Он все же выиграл и отнял у меня мою субботу, совершенно законную на фоне прошедшей недели. — Сломается Москва?

— Я предпочел бы не проверять, насколько далеко простираются ваши таланты.

И вот поди разбери. То ли он сейчас всё-таки пошутил, то ли у него даже самые странные реплики звучат так, будто это обычный рабочий комментарий.

Я вышла из кабинета с очень неприятным ощущением.

Суббота. Объект. Вельский. Прекрасно.

Телефон в кармане завибрировал еще до лифта.

Макс: *Я заказал нам на завтра столик, если ты, конечно, не сбежишь обратно к своему прекрасному трудовому рабству.*

Я посмотрела на сообщение и тихо выдохнула через нос.

Ну вот.

Началось.

За стеклом уже зажигались огни. Москва собиралась в вечер, пробки, пятницу, чужие планы, нормальную жизнь. Я шла к лифту и очень ясно понимала: пройти здесь тихо, не задевая ничего и никого, у меня не получится.

Глава 2

К вечеру Москва наконец стала похожа на себя.

Не на ту, что отражается в стекле переговорной и стоит у тебя за плечом серым фоном, пока ты пытаешься не умереть от неловкости перед начальником.

На нормальный город. Живой.

С машинами, которые ползут слишком плотно и злобно, с людьми, которые вываливаются из офисов в шарфах, пальто и собственных пятничных мыслях, с вывесками, огнями, вечным уличным шумом и ощущением, что у города, в отличие от некоторых, хотя бы нет привычки смотреть на тебя так, будто ты подозрительная неисправность.

Я вышла из на улицу и сразу выдохнула. Не глубоко, не так, чтобы прямо отпустило, но хоть чуть-чуть.

За день во мне накопилось слишком много всего: раздражение, злость, какая-то усталая готовность огрызаться на Вельского даже там, где, возможно, стоило промолчать, и отдельно — мерзкое, как заноза, понимание, что суббота у меня больше не моя.

Телефон завибрировал почти сразу.

Макс: *Я уже возле офиса. И да, если ты снова скажешь, что “пять минут”, я начну думать, что у тебя роман с трудовым кодексом.*

Я усмехнулась.

Вот. Нормальный человек. Нормальная шутка. Нормальный язык, в котором никто не говорит “возможно” так, будто одним словом уже успел тебя разобрать и отложить в отдельную категорию.

Я набрала в ответ: *Спускаюсь. Не ной.*

Макс: *Поздно. Уже ною. Поужинаем вместе.*

Это было почти до смешного на него похоже. У Макса вообще была одна очень полезная черта: он почти всегда начинал с еды, а уже потом переходил к вопросам про жизнь, чувства и прочий моральный ущерб.

Я шла к выходу с территории бизнес-центра и чувствовала, как офис Вельского всё ещё тянется за мной тонкой, мерзкой ниткой. Даже не событиями. Тонем. Тем, как он говорил. Тем, как стоял. Тем, как спокойно забрал у меня субботу, как будто это не выходной живого человека, а свободное окно в его расписании.

Мне очень хотелось стряхнуть это по дороге, но день засел под кожей слишком глубоко.

У обочины кто-то ругался в телефон, двое подростков спорили у перехода, из ближайшей кофейни тянуло чем-то сладким и пережаренным, машины по очереди рвались к выезду, как будто от этого действительно зависела их судьба.

Я смотрела на всё это и пыталась вернуться в нормальный масштаб жизни, где максимум проблема — не тот столик в ресторане, отменившийся заказ и тупая переписка с доставкой, а не мужчина с лицом дорого собранной катастрофы и

манерой вторгаться в твои выходные так, будто он имеет на это естественное право.

Макс стоял у машины, засунув руки в карманы куртки, и увидел меня раньше, чем я успела поднять голову. Он был в тёмно-сером пальто, без шапки, как всегда, потому что “мне нормально” — это отдельная мужская болезнь, и улыбнулся так, будто сегодняшний вечер всё ещё можно спасти одним правильным ужином.

И, наверное, с кем-то другим это правда могло бы сработать быстрее.

Но я всё равно почувствовала, как внутри что-то отпускает.

Не всё, но достаточно, чтобы идти к нему уже не как к следующей рабочей задаче, а как к человеку, рядом с которым не надо держать спину ровно просто на всякий случай.

— Лицо у тебя такое, будто ты не с работы вышла, а с допроса, — сказал он вместо приветствия.

— Не начинай.

— Я ещё даже не начал. Иди сюда, — он притянул меня к себе за локоть, быстро поцеловал в висок и сразу отстранился ровно настолько, чтобы посмотреть нормально.

Без взгляда, от которого хотелось спрятаться. Без этой точности, от которой сразу хотелось проверить, как именно ты сидишь, стоишь и дышишь. Отлично. Уже и мужчины в голове начали делиться по манере смотреть.

— Всё настолько плохо? — спросил Макс уже тише.

— Не настолько, чтобы я отказалась от еды.

— Значит, жить будем.

И вот за это я его любила. Не за еду саму по себе, конечно, хотя она тоже никогда не вредила отношениям. За то, что он почти всегда подходил ко мне с той стороны, где я ещё оставалась человеком, а не набором реакций и скрытых раздражений.

Он открыл мне дверь машины, я села, захлопнула её за собой и поймала этот первый нормальный, не офисный момент тишины.

Машина у Макса пахла кофе, холодным воздухом и чем-то его — не парфюмом даже, а обычной мужской жизнью: ткань, кожа, немного улицы. Ничего ледяного. Ничего слишком точного. Ничего, от чего хотелось бы сразу проверить, как сидит на тебе собственная кожа.

И только тогда я поняла, насколько устала.

— Так, — сказал Макс, заводя машину. — У меня есть два сценария. Первый: мы сейчас едем и быстро, как приличные люди, ужинаем где-нибудь вне твоего района, пока пятница совсем не сожрала остатки цивилизации. Второй: я везу тебя домой, покупаю тебе что-нибудь вредное и калорийное по дороге, и ты рассказываешь мне, кто именно сегодня должен умереть.

— Всё-таки еда у тебя идёт раньше сочувствия

— Только для избранных. И только когда у них лицо, как у человека, который мысленно уже кого-то закопал, но еще

выбирает место.

Я фыркнула и уставилась в окно.

Машина медленно вырulingивала из потока офисного выезда, вокруг мигали стоп-сигналы, кто-то сигналил, кто-то внаглую лез без поворотника, и всё это почему-то действовало успокаивающе.

Обычный московский вечер. Нормальные человеческие раздражители.

Прекрасно. Дайте два.

— Так что? — спросил Макс. — Ужин спасти или ты уже совсем в режиме “не трогайте меня, я опасна”?

— Я не опасна.

— Лад, ты однажды запустила в стену кружкой только потому, что тебе три раза подряд прислали “просто напоминую”. Не льсти себе.

— Это был заслуженный бросок.

— Не спорю. Но стене было обидно.

Я всё-таки улыбнулась — коротко, без особой радости, но уже живее. Макс это заметил сразу, как всегда замечал всё, что касалось меня не напрямую, а по касательной. В этом, кстати, и была его большая сила. Он не продавливал. Не лез с вопросами как буром. Просто сидел рядом, чуть шутил, чуть ждал, и я обычно сама начинала говорить, когда внутри переставало звенеть.

— Значит, не домой? — уточнил он.

— Не знаю.

— Тогда поедем есть. Если ты совсем развалишься по дороге, я сделаю вид, что это было моё решение с самого начала.

— А если я развалюсь в ресторане? — спросила я, удивляясь тому что мне почти не пришлось заставлять себя улыбнуться, это получилось само, правда очень устало.

— Возьму десерт и буду поддерживать тебя углеводами.

— Очень романтично.

— Я стараюсь, — сказал он легко, но не отвлекаясь от дороги. Вёл аккуратно, уверенно, спокойно. Вообще весь Макс был какой-то внятный. Из понятной среды. Из понятного ритма жизни. С ним не надо было додумывать вторые смыслы там, где тебе и первого уже достаточно.

Если он шутил — это была шутка. Если злился — это было видно. Если был доволен — еще виднее.

Анти-Вельский, подумала я и тут же мысленно выругалась.

Вот только этого мне сейчас и не хватало — сравнивать совершенно бесчувственного начальника с мужчиной, который ухаживает за мной и видит во мне девушку.

— Так всё-таки? — спросил Макс, бросив на меня быстрый взгляд. — Ужин или сразу домой?

— Давай ужин, — мне не нужно было даже думать чтобы предпочесть вкусную еду одинокому вечеру и пустому холодильнику, в котором из еды только кефир осиялся, да и тот ккплен еще до работы у Вельского.

— Вот. Узнаю свою девочку, — Макс мягко и ободряюще улыбнулся, от него эти слова не воспринимались мужским превосходством и от этого становилось легче дышать. — Пока человек ещё способен хотеть еду вне квартиры, не всё потеряно.

Он включил поворотник и перестроился.

— Я забронировал столик. На всякий случай.

— Ты слишком хорошо меня знаешь.

— Неправда. Если бы я слишком хорошо тебя знал, я бы уже понимал, что с тобой сделал этот твой идеальный офис.

— Он не идеальный, — несмотря на усталость и тяжелую после бесконечных таблиц и сводок голову, фырканье у меня получилось очень бодрым и злым. — Идеальный гроб из стекла и бетона, если уж быть точгой, — добавила я, пробурчав это себе под нос.

— Прости., — Макс усмехнулся. — Ледяной офис твоего ледяного босса. Давай все же не будем шутить про гробы, тем более в пятницу вечером, — я удивленно подняла бровь на это высказывание.

Никогда не считала Макса суеверным или верящим в мистику и именно поэтому мне было хорошо и комфортно с ним. Одним фактом своего существования он как будто доказывал что мир именно такой, каким кажется, каким его описывают рациональные люди и сейчас меня очень сильно царапнули эти слова, особенно на фоне произошедших неполадок с офисной техниклй.

Я повернулась к нему.

— Ты реально так о нём думаешь? — я перевела разговор в более безопасную плоскость.

— Лад, ты второй раз за неделю выходишь оттуда с лицом человека, которого очень вежливо, очень дорого и очень качественно доводили.

Я фыркнула.

— “Очень дорого” — это хорошая формулировка, — даже с той усталостью, злобой за сорванный выходной я не могла не оценить сказанное Максом.

— Я стараюсь быть точным, — он хмыкнул. — Это, видимо, заразно.

И вот тут мне вдруг стало по-настоящему смешно. На полсекунды. На один выдох. Но это уже было достаточно, чтобы внутри стало чуть меньше острых углов.

Рядом с Максом всё ещё существовала версия жизни, в которой можно было выйти поужинать, обсуждать начальство в дурацких формулировках и злиться на то, что тебе испортили субботу, а не чувствовать, как тебя что-то медленно тащит туда, куда ты не собиралась.

Очень хотелось удержаться именно за это настроение.

Ресторан был тёплый, шумный и нарочно уютный. Из тех мест, где свет делают таким, чтобы все выглядели чуть красивее и чуть менее честно уставшими, чем на самом деле. Мне это обычно нравилось. Сегодня я поймала себя на том, что сижу со стаканом воды и впервые за вечер не проверяю

себя на каждом слове.

Макс говорил про какую-то безумную историю у себя в команде, где один человек три часа доказывал, что баг “скорее философский, чем технический”, и я даже смеялась в нужных местах, но всё это время часть меня продолжала жить где-то отдельно. Не в ресторане. Не в пятнице. Не напротив нормального мужчины, который только что отодвинул мне тарелку с пастой и смотрел так, будто я всё ещё вполне решаемая задача.

Вельский забрал у меня субботу.

И вот сам факт этого почему-то сидел в голове сильнее, чем следовало бы. Даже не потому, что я так уж мечтала о великих выходных. А потому, что сделал он это слишком спокойно. Как будто я не человек с планами, а часть рабочего пакета, которую просто перенесли в другой слот.

— Лада, — он произнес мое имя очень тихо и наверное от этого я вынырнула из своих печальных мыслей.

Я моргнула.

— Что?

— Я третий раз спрашиваю, ты живая или просто очень культурно ненавидишь моё общество?

— Прости, — я зло дернула прядь волос за ухо. Предательница, ога мешала мне жить еще с обеда.

— Так. Нет, — Макс упрямо мотнул головой, мне не часто приходилось видеть его таким, мгновенно собравшимся и серьезным. — Не отделивайся этим. Что случилось?

Я устала в тарелку.

Макс не любил вытягивать. Но и делать вид, что ничего не замечает, тоже не умел. В этом смысле он был очень правильный. Очень неудобно правильный.

— Ничего, — сказала я упрямо, осознавая что признаться что планы на завтра отменяются, но как маленький ребенок пыталась ухватиться за кооткий миг, когда для меня катастрофа уже случилась, а для важного для меня человека все еще осталось как прежде.

Он поднял бровь.

— Ты это сейчас так для разогрева соврала?

— Я не вру, — хотелось зажмуриться и провалиться под землю от стыда за то, как жалко это прозвучало.

— Лад, у тебя лицо женщины, которая мысленно уже ведет судебный процесс, — терпеливо произнес Макс.

Я провела пальцем по краю стакана.

— Мне испортили субботу.

— А-а. Вот оно что, — протянул он понимающе.

— Угу, — я кивнула, поморщившись.

— Насколько испортили? Дедлайн, зум, отчет который горит до обеда, а на самом деле может подождать еще пвру месяцев? — его легкий и веселый тон заставил меня немного расслабиться и даже на мгновение поверить в то, что все еще можно исправить с помощью вкусного ужина и оптимизма.

— Работой, — осторожно начала я,

Макс откинулся на спинку стула.

— Это я уже понял, — Макс ободряюще улыбнулся. — А теперь, грибочек, рассказывай конкретно что такого случилось, что ты настолько грустная и сосредоточенная, как будто завтра у вас планируется запуск шатла в космос, а половины проектной документации нет в принципе.

Я слабо улыбнулась. Да, дурацкое, совершенно не правильное и не романтичное прозвище, которое он использовал только тогда, когда собирался по-настоящему привлечь мое внимание. Это лучше, чем "операционочка моя", а на банальное "лисенок" или "кудряшка" программист с душой грибника лишь морщился.

— Завтра выезд на какой-то объект. В десять, — призналась я, на мгновение зажмурившись. Так можно было сделать вид что я не увижу разочарование на лице Макса

— Серьезно? Завтра? В субботу?— в голосе помимо недовольства слышалось искреннее удивление. — А я его не в воскресенье? Ежли портить уж выходные людям, то делать это более качественно, — я закатила глаза на такую фразу, но едва ли не впервые за вечер улыбнулась искренне, без тревоги и следов усталости.

— Да, — я развела руками. — Видимо, в воскресенье у него самого какие-то планы, поэтому он портит людям жизнь в свободное от них время, — представить, что у Вельского есть "планы" помимо работы было сложно, но воображение у меня всегда было богатым.

Макс несколько секунд молчал.

Не скандально. Не зло. Просто молчал так, как молчат люди, которым сказали что-то очень обычное по форме, но не по внутреннему ощущению.

— У нас же были планы, — сказал он.

Я пожала плечами, как будто от этого могло стать менее неприятно.

— Видимо, Александр Леонидович считает, что наличие субботы — это досадная ошибка в расписании, — я сама удивилась, как легко и весело это прозвучало.

Макс тихо выдохнул через нос.

— Он у тебя точно человек? — уточнил он.

— Пока не доказано обратное, — я хмыкнула. — Боюсь, не тебе одному ртходит в голову этот вопрос.

— Ты шутишь, а меня вот это вообще не радует.

Он сказал это спокойно, но у меня внутри всё равно неприятно кольнуло. Не потому, что он был неправ. Потому что был как раз слишком прав в своей, нормальной, человеческой логике.

— Макс, это работа, — сказала я уже спокойнее. Самое страшное сказано, выходные испорчены официально и на смену злобы пришло удивительное после такой напряженной недели спокойствие.

— Я вижу.

— Иногда так бывает.

— Иногда — да, — он поморщился. — Но у тебя это “иногда” за одну неделю уже какое-то слишком концентрирован-

ное.

Я вскинула глаза.

— Ты сейчас к чему?

— К тому, что я не дурак, Лад.

Тон у него не изменился. Он не нападал. Не обвинял. Просто перестал шутить.

— Я понимаю авралы. Понимаю странных начальников. Понимаю, когда работа лезет в жизнь. Но ты за эти несколько дней как будто всё время чуть-чуть не здесь.

Я сжала пальцы на салфетке.

— Это просто новая работа.

— Угу.

Это его “угу” мне не понравилось сразу.

— Ты не веришь?

— Я верю, что ты так сейчас это видишь.

— А ты как видишь?

Он посмотрел на меня долго. Не тяжело, не испытующе, без Вельского этого мерзкого внутреннего сканирования. Просто честно.

— Как будто тебя туда втянуло быстрее, чем ты сама рассчитывала.

И вот от этих слов мне вдруг стало холодно.

Потому что я и сама примерно так это ощущала. Только не собиралась слышать это вслух от человека, рядом с которым ещё хотелось сделать вид, что у меня всё под контролем.

Я улыбнулась. Не очень удачно.

— Это называется “работа в крупной компании”.

— Это называется “ты ешь, как человек, который мысленно уже снова не здесь”.

— Макс, — тихо сказала я.

— Что?

— Не надо... — гооос вышел еще тише. — Пожалуйста.

Он отвел взгляд первым. Спасибо ему и за это тоже.

— Ладно, — сказал он. — Не буду.

Но осадок уже остался. Маленький. Не ссора. Не даже спор толком. Просто тот самый первый тихий сдвиг, после которого потом может начать меняться слишком стремительно и, конечно, не в лучшую сторону.

Мы доели не в тишине, но и не так, как обычно.

Макс ещё пару раз пытался вернуть вечер в нормальный ритм — спросил про книгу, которую я недавно таскала с собой, рассказал про мать, которая умудрилась снова поссориться с доставкой воды, даже показал мне мем из рабочего чата, и я честно смеялась. Но не до конца. Всё время как будто одной ногой стояла уже в завтрашнем дне.

Он это видел.

Я видела, что он видит.

Вот и вся романтика пятничного ужина после тяжёлой недели.

Когда мы вышли на улицу, город уже окончательно погрузился в пятничный вечер. Машины тянулись сплошными потоками, у входа кто-то курил, кто-то ловил такси, кто-то це-

ловался так, будто у него в принципе не существует субботних рабочих выездов и мужчин по имени Александр Леонидович.

Макс молча открыл мне дверь машины. Я села. Он обошел капот, устроился за рулём и не трогался несколько секунд.

— Скажи честно, — проговорил он, глядя на меня в упор. — Он всегда так делает?

— Кто?

— Твой начальник. Забирает у тебя выходные с лицом, будто это естественный ход вещей.

Я уставилась на него, моргнув несколько раз и пытаюсь уложить этот вопрос и реальность, в которой новая работа у меня всего ничего.

— Я работаю там неделю, — напредила я, потом нахмурилась, осознав что это был намек на то, что за одну неделю уже слишком многое изменилось.

— И уже второй раз слышу про него больше, чем мне хотелось бы.

Вот.

Вот это и было первым настоящим уколом.

Не ревность. Не драма. Просто нормальная человеческая реакция на то, что в наш вечер слишком явно сел третий — не человек даже, а чужая работа, чужой ритм, чужая власть.

— Макс, это не про него, — сказала я.

— Тогда про что?

— Про то, что у меня новая работа, — я прикусила губу,

сейчас я думала даже не про договор о не разглашении который подписала вместе с бумагами о приеме на работу, вернее о продаже себя в рабство судя по количеству рабочих часов, а о том как уложить все впечатления прошедшей недели в короткую, понятную и желательно не слишком злую формулировку. — С большими объектами, странным графиком и начальником, который, видимо, не считает субботу уважительной причиной.

— И тебе это нормально?

— Мне это не нравится.

— Но ты едешь, — нет, в его голосе не было истерики или жесткости, но неудовольствие сорванным выходным читалось вполне крнкретно.

Я отвела взгляд.

— Да, — почти шепот.

Он кивнул, всё так же глядя на дорогу перед нами, где пока ещё не ехал.

— Понял, — голос совершенно ровный и от этого только хуже.

Вот уж чего я терпеть не могу, так это мужское “понял”, после которого становится ясно: ничего ты не понял, но сейчас либо сдержался, либо временно отложил.

— Только не начинай, пожалуйста.

— А что я должен начать?

— Вот это всё.

— Какое именно “всё”, Лада? — он почти сорвался, это

было видно по тому как Макс сжимает зубы и напрягает челбсть, но голос не повысил и я была ему за это искренне благодарна.

Я молчала.

Потому что ответ был дурацкий. Потому что я сама еще не знала, где именно проходит линия между “он просто начальник” и “он уже слишком сильно влез в мою жизнь”. Потому что Макс, сидящий рядом, был слишком нормальным, а я слишком устала.

Он завёл машину.

— Я не собираюсь с тобой сейчас ругаться. Правда. Но мне не нравится, когда тебя так легко выдергивают из жизни и ты делаешь вид, что это ничего не значит.

Я уставилась в окно. От его слов, сказанных таким спокойным тоном, после неловкого вечера, внутри меня проснулась совесть. Можно бескрнечно оправдывать эту ситуацию новой работой, хорошей зарплатой и блестящими перспективами, но у нас с Максом и правда долгие отношения. Слишком удобные, чтобы назвать их страстью и слишком спокойные, чтобы назвать любовью, но крепкие, уже больше похожие на дружбу и разочаровывать таких близкtx людей всегда в разы сложнее и большее чем незнакомцев.

— Иногда это правда ничего не значит, — сказала я тихо.

— Угу, — буркнул он.

— Прекрати так говорить, — мне снова почти захотелось заплакать от усталости. Слишком много противоречи-

вых эмоций и слишком тяжелая неделя чтобы удерживать спокойствие дальше.

— Как?

— Как будто ты уже всё про меня понял, — вместо усталости пришла злость. Хорошо ему вообще говорить, у него нет козла-начальника за которым пртходится бегать с планшетом и одновременно держать в памяти слишком много мелочей его жизни, забывая про свою.

Он повернул голову ко мне. Ненадолго, но достаточно.

— Нет. Я как раз не понимаю, — произнес наконец после паузы. — И это меня раздражает.

Вот это было честно. И от честности, как назло, только больнее.

Я закрыла глаза на секунду.

— Я сама пока не очень понимаю.

Он ничего не ответил сразу. Просто тронул машину с места, встраиваясь в поток, и только через пару минут сказал уже мягче:

— Ладно. Тогда давай так, — Макс глубоко вздохнул и даже улыбнулся, как человек который принял не решение, а некий компромисс, который устоотт его хотя бы отчастт. — Завтра отработаешь своё загадочное начальственное рабство, а вечером ты моя. Хотя бы на еду.

— Это звучит как сделка.

— Это звучит как человек, который не хочет отдавать тебе все выходные какому-то мужику в костюме.

Я хмыкнула.

— Ты сейчас как будто сам не заметил, насколько это прозвучало.

— Я многое в себе готов принять. Но не готов радостно отдавать тебе субботу.

Вот здесь я всё-таки потянулась к нему и коротко сжала пальцами его запястье.

— Я постараюсь не застрять там до ночи.

— Постарайся.

Первый момент, где моя “обычная жизнь” перестала принимать новую работу как просто работу.

Квартира встретила меня тишиной.

Не торжественной, не уютной даже, а моей.

Той, в которой слышно, как щелкает замок, как глухо падают ключи в керамическую чашу у зеркала, как шуршит пальто по вешалке.

Я всегда любила этот первый момент после улицы, когда квартира еще не успела принять тебя обратно целиком, а ты уже успела понять, что снова одна.

После ужина с Максом стало легче. Не так, чтобы прямо отпустило, но хоть чуть-чуть. Ровно настолько, чтобы переодеться, умыться и не чувствовать, будто день всё ещё стоит рядом в обуви.

Я прошла в комнату, бросила телефон на кровать, включила только одну лампу и на секунду просто остановилась посреди своего обычного, понятного, человеческого про-

странства.

Книжный стеллаж. Кресло у окна, заваленное пледом и двумя книгами сразу, потому что дочитать одну мне, конечно, срочно надо было именно в тот момент, когда началась новая работа. Чашка, забытая на подоконнике с утра. Сумка. Босые ноги на прохладном полу.

Вот это было нормальным. Моим.

Без Вельского. Без его кабинета. Без этой отвратительной манеры говорить так, будто он уже на два шага впереди, а ты ещё только думаешь, обижаться тебе или нет.

Я подняла телефон, проверила время, завела будильник на утро и пошла на кухню за водой.

Там, у раковины, стояла старая деревянная коробка для чая, доставшаяся мне ещё от бабушки. Нелепая, тёмная, со стертым рисунком на крышке, которая давно уже плохо закрывалась, но выкинуть её у меня всё время не доходили руки. Да и не то чтобы хотелось. Вещь как вещь. Просто своя.

Я открыла ее, чтобы взять пакетик, и поймала запах сухих трав.

Слишком сильный для обычной коробки с чаем. Терпкий, немного горький, как будто внутри лежало что-то не из магазина, а из чужих рук и чужой старой логики.

Я застыла на секунду.

Потом раздраженно закрыла крышку.

Нет.

Не сегодня.

У нас в семье вообще было несколько вещей, которые лучше было не трогать, если не хочешь случайно открыть разговор, в котором всё время будет слишком много полутонов и слишком мало нормальных ответов.

Прабабка, про которую говорили либо шепотом, либо с раздражением.

Какие-то травы, которые бабушка до самой смерти держала в стеклянных банках и отмахивалась, если ее спрашивали зачем.

Манера некоторых женщин в нашей семье говорить “не ходи туда” таким тоном, будто речь не про район и не про подъезд, а про что-то совсем другое.

Я всё это много лет складывала в папку под названием “странная семейная байка, не имеющая ко мне отношения”.

Очень удобная папка. Очень выручала.

Я налила воды, не взяла никакого чая и вернулась в комнату уже с неприятным осадком на краю сознания. Не тревогой. Даже не мыслью. Просто крошечным царапающим ощущением, будто день никак не хотел от меня отлипнуть и теперь лез в дом по самым дурацким бытовым трещинам.

Я села на край кровати, взяла с тумбочки книгу, открыла на заложенной странице и поняла, что читаю одну и ту же строчку в третий раз.

Отлично.

Спасибо.

Очень продуктивный вечер взрослой женщины с нор-

мальной жизнью и не слишком нормальным начальником.

Вещи на завтра я собирала так, будто если сделать это слишком аккуратно, всё и правда останется просто рабочим выездом.

Джинсы. Свитер. Тёплое пальто. Заряженный телефон. Пауэрбанк. Термокружка на утро. Ничего такого, что отличало бы “поехать посмотреть один дом по работе” от “поехать в неизвестное и при этом пытаться не выглядеть идиоткой”.

Я положила сумку на стул у двери и ещё раз посмотрела на будильник.

08:00.

Прекрасно.

Вельский будет ждать у офиса в десять, и от этой самой мысли уже хотелось проснуться уставшей.

Я выключила большой свет, оставив только лампу у кровати, и легла, привычно подтянув одеяло к подбородку.

За окном кто-то хлопнул дверью машины. Снизу проехал автобус. Где-то в соседнем доме лаяла собака. Обычная городская ночь. Нормальная. Живая. Безо всякой мистической ерунды, которую мне сейчас вообще не хотелось пускать в голову.

Это просто работа.

Просто один дом.

Просто суббота, которую испортили.

Просто мужчина, который не умеет разговаривать с

людьми как человек, но почему-то решил, что я нужна ему именно завтра.

Я перевернулась на бок.

Закрыла глаза.

Снова открыла.

В темноте комната выглядела своей — и всё равно не до конца успокаивала. Внутри сидело то самое неприятное чувство, которое невозможно было назвать честно, не начав тут же над собой смеяться.

Не страх. Не тревога даже. Скорее настороженность. Как если бы часть меня уже слышала что-то раньше головы и теперь тихо ждала, когда я наконец перестану делать вид, что ничего такого нет.

Есть работа. Есть дом. Есть Макс, которому я испортила субботу вместе со мной. Есть один выезд, который наверняка окажется просто старым домом с плесенью, сквозняком и очередным поводом для Вельского смотреть на меня так, будто он что-то понял раньше меня.

И всё.

Я повернулась на спину и уставилась в потолок.

Вот только тело, кажется, со мной не соглашалось.

Оно уже собралось. Уже ждало.

Это бесило сильнее всего, потому что я всё ещё очень хотела верить: завтра будет просто работа.

А значит, спать надо было сейчас.

Я потянулась к лампе, выключила свет и в темноте вдруг

очень ясно поняла одну неприятную вещь: у завтрашнего дня на меня уже были свои планы.

И от этого стало совсем не по себе.

Глава 3

Будильник зазвонил в восемь, и первой моей мыслью было не “доброе утро”, не “черт” и даже не “зачем я вообще вчера жила”.

Первой мыслью было: он ведь реально будет ждать у офиса в десять.

Я лежала с закрытыми глазами, слушала, как телефон продолжает вибрировать на тумбочке, и очень ясно понимала одну простую, неприятную вещь: пятничный вечер, Макс, ресторан, обычная жизнь — всё это закончилось, как только я выключила свет.

Сегодня был не “выходной, который чуть-чуть испортили”. Сегодня была работа, которая залезла в субботу и теперь стояла у меня над душой с точностью будильника.

Я нащупала телефон, выключила его и ещё минуту лежала, уставившись в потолок.

Ничего мистического.

Ничего рокового.

Просто рано. Просто холодно. Просто не моя суббота.

От этой мысли стало чуть легче. Когда удаётся разложить всё на “просто”, жить всегда немного удобнее.

Я встала, накинула халат и пошла в ванную, по пути замечая привычные, мелкие, раздражающе живые следы своей квартиры.

Книга у кровати. Вчерашний стакан воды. Сумка на стуле у двери. Тишина, которая по утрам всегда чуть другая, чем ночью: менее уютная, более честная. Из тех, в которых ещё не успел включиться день, но уже поздно делать вид, что его не будет.

В зеркале на меня смотрело лицо человека, которому не хватило сна, терпения и хотя бы одного уважительного выходного. Волосы я вчера собрала кое-как, и сейчас они выглядели так, будто ночь провели не на моей голове, а в отдельном, недружелюбном измерении.

— Отлично, — сказала я отражению. — Идеально.

С отражением мы были согласны.

Душ, фен, щётка, крем, минимальный макияж, в котором не было ничего героического, только попытка не выглядеть слишком помятой рядом с человеком, который, я подозревала, даже в пожаре собрался бы без складок.

Пока я сушила волосы, в голове крутилась одна и та же тупая установка: сегодня надо просто хорошо отработать.

Без подвигов. Без сцен. Без лишних разговоров.

Посмотреть дом, сделать что нужно, не облажаться и вернуться домой раньше, чем весь этот субботний выезд разрастется в отдельную маленькую жизнь. Макс будет ждать сообщение, и тогда вечером у нас еще останется шанс на нормальный субботний вечер.

На кухне я налила себе кофе в термокружку и на секунду задержалась у стола, мысленно проверяя утро по пунктам.

Сама — собрана.

Телефон — заряжен.

Пропуск — на месте, но сегодня, надеюсь, не понадобится. Мы же договорились о том, что это выезд, хотя мало ли, что придет в голову Александру Леонидовичу после объекта... Мысль неприятная и я посталась не обращать на нее внимания, но по дереву постучала, пусть и глупое суеверие, но когда твой руководитель — очень дорогой козел, маленькие суеверия способны вернуть внутреннее равновесие.

Кофе для Вельского можно будет взять по дороге, в кофейне напротив офиса. Не потому что мне хотелось быть милой. И уж точно не потому, что я вообразила что-нибудь лишнее. Просто если ты помощница, а шеф едет на объект в субботу, логично, что у него в руке должен быть кофе. И ещё логичнее — что об этом позаботишься ты, а не будешь стоять рядом в машине со своей термोकружкой, пока он пьет что попало по дороге.

Я уже пару раз приносила ему кофе на неделе и знала, какой именно. Американо. Без сахара. Разумеется.

Я оделась в джинсы, темный свитер, пальто, проверила телефон, ключи, пауэрбанк, пропуск, ещё раз — телефон, потому что неделя у меня уже была такая, что доверять электронике на слово я больше не собиралась, — и только после этого позволила себе посмотреть на время.

Восемь сорок семь.

Нормально.

Если не случится конца света в лифте, я успею взять ему кофе, доехать и даже не быть опоздавшей идиоткой на месте встречи.

Я взяла сумку, термокружку и, уже выходя, на секунду остановилась у зеркала.

— Сегодня, — сказала я себе, — ты просто работаешь. Всё.

Зеркало ничего не возразило. Очень удобно.

У офиса было серо, ветрено и по-субботному пустовато. Москва в выходные с утра выглядела почти виноватой за то, что вообще существует в таком объёме. Меньше машин, меньше людей, больше воздуха между домами, и от этого всё казалось чуть менее агрессивном.

Я вышла из кофейни через дорогу с бумажным стаканом в подставке, своей термокружкой в руке и ощущением, что, если день начнется без внезапных провалов, это уже можно будет считать личной победой.

И сразу увидела его.

Вельский стоял у машины — конечно, у машины, а не у входа, конечно, уже на месте, конечно, за несколько минут до назначенного времени — и на секунду я просто остановилась, потому что мозг решил проявить инициативу и очень не вовремя отметил: он не в костюме.

Тёмное пальто. Тёмные джинсы. Свитер — тоже тёмный, без единой ненужной детали, как будто даже кэжуал у него был собран по внутреннему регламенту. Руки свобод-

ны, плечи всё так же идеально прямые, седина на висках никуда не делась, и в этом утреннем холодном свете всё вместе выглядело не менее опасно, чем в костюме, просто теперь опасность была другого сорта. Меньше кабинета. Больше мужчины.

Прекрасно.

Очень вовремя.

Я подошла ближе, уже мысленно одёрнув себя за лишние наблюдения, и только тогда заметила подставку на два стакана — она стояла на крыше машины, прямо у его локтя.

Я посмотрела на свою.

Потом на его.

Потом снова на свою.

Потом, наконец, на него.

Вельский проследил за моим взглядом, перевел глаза с моей термocupки на бумажный стакан в подставке и обратно на меня, и в его лице мелькнуло что-то очень близкое к пониманию происходящего.

— Доброе утро, Лада, — а у него ведь и правда приятный глубокий голос, который хочется слушать... Разумеется не тогда, когда он совершенно беспардонно крадет субботу или велит задержаться.

— Доброе, — сказала я и, не удержавшись, добавила: — У нас, как я посмотрю, совпали мысли.

— Не впервые.

Он сказал это слишком спокойно. Как обычный коммен-

тарий. Но с утра, в пустой субботний час, рядом с двумя одинаково нелепыми подставками под кофе это почему-то прозвучало чуть более лично, чем должно было.

Я подняла свой стакан.

— Я взяла вам американо.

Он чуть наклонил голову, глядя на бумажный стакан так, будто это была не забота, а любопытный сбой логики.

— А я взял вам капучино.

Вот теперь я уставилась на него уже совершенно открыто.

— Вы серьёзно? — я моргнула, все еще не веря тому факту, что он позаботился обо мне.

— Да, — сказано это было так спокойно, будто это обычная часть утра и не я или его секретарша обычно в течении дня заботимся чтобы у Александра Леонидовича был кофе, наличие которого, как гласят офисные легенды, поддерживает его если не в добродушном, то хотя бы не в совсем отвратительном настроении.

— Почему капучино? — не удержалась я.

— Вы пьете что-то с молоком, — вот теперь я и правда удивилась, потому что да, он угадал.

Я моргнула.

— С чего вы взяли?

Он посмотрел на мою термocupку.

— По запаху, — и снова это было сказано самым спокойным тоном.

И всё.

Вот так просто. Как будто кофе, который на работе пьёт помощница это такая же важная часть рабочего дня как и не вовремя обнаруженная лишняя запятая в договоре с подрядчиком. Мне почему-то сразу захотелось убрать термокружку за спину, как будто он только что поймал меня на чём-то гораздо более стыдном, чем кофе с молоком.

— Это звучит почти жутко, — сказала я.

— Это звучит как наблюдательность, Лада, не больше, — произнес он и я по одному лишь тону поняла, что он не планирует продолжать этот разговор.

— Конечно.

Он протянул руку к моей подставке.

— Давайте.

Я отдала ему его стакан, всё ещё внутренне не понимая, что делать со своей собственной неловкостью. Не потому, что он сделал что-то особенное. Наоборот — всё было до смешного бытовым. Просто я ехала сюда с очень чёткой маленькой задачей: не раздражать, быть полезной, всё сделать правильно, и даже в вопросе кофе успеть первой. А он уже приехал, уже всё предусмотрел и, кажется, вообще не нуждался в том, чтобы я спасала его утро бумажным стаканом.

Это бесило. И почему-то чуть цепляло.

— Ваш, — сказал он, кивая на второй стакан.

— Спасибо.

— Не за что.

Он открыл мне пассажирскую дверь, и я, уже с капучино

в одной руке и термокружкой в другой, почувствовала себя настолько нелепо, насколько может чувствовать себя взрослая женщина субботним утром у черного Range Rover в компании собственного начальника.

— Это начинает походить на плохую комедию, — пробормотала я.

— Не вижу поводов для драматизации, — спокойно сказал он.

Вот именно это в нём и раздражало. То, что он мог превратить даже странность и такое совпадение во что-то до обидного ровное и рабочее.

Я села в машину, поставила термокружку в держатель, рядом — бумажный стакан, и только тогда поняла, насколько внутри у меня всё уже собрано на тонком нерве. Не паника. Не страх. Просто это неприятное, слишком ясное ощущение: день только начался, а я уже хочу, чтобы он закончился правильно.

Вельский захлопнул дверь, обошел машину, сел за руль и почти сразу, не глядя на меня, сказал:

— Если ваш американо был попыткой подстраховать этот выезд, то она зачтена.

Я повернула голову, снова не в силах понять, он пытается шутить или говорит совершенно серьезно.

— Простите?

Он завёл машину.

— У вас лицо человека, который очень хочет, чтобы всё

прошло без осложнений, — нет, все же мне показалось, что суббота что-то в нем изменила, все тот же суровый и слишком холодный начальник, который еще и на включившийся навигатор на телефоне смотрит так, будто это не необходимая ведь при передвижении по городу, а досадное недоразумение современного мира, с которым по какой-то причине ему приходится мириться.

Я уставилась в лобовое стекло.

Ну разумеется.

С чего я вообще взяла, что можно что-то скрыть от мужчины, который, видимо, по запаху отличает молоко в чужом кофе.

— Это называется “рабочая добросовестность”, — ответила я.

— Я так и сказал.

Нет, не сказал.

Но, конечно, спорить об оттенках смысла с Александром Леонидовичем в субботу в девять пятьдесят семь было бы совсем уже странной формой саморазрушения.

Хотя, если честно, вся эта неделя была примерно про это.

Первые минут десять мы ехали почти молча.

Это была не та тягостная тишина, когда двое людей сидят рядом и мечтают только о том, чтобы один из них испарился. Скорее рабочая. Слишком ранняя. Субботняя.

За окном город постепенно отпускал центр. Город редел, вытягивался, становился менее стеклянным и более обыч-

ным. Мы проскочили пару длинных светофоров, свернули, выбрались на более широкую дорогу, и я поймала себя на том, что слишком внимательно смотрю, как Вельский ведёт.

Спокойно.

Без лишних движений.

Без музыки.

Без раздраженного бормотания радио, которое, казалось бы, должно быть обязательной частью московского вождения. Он не дергал руль, не подрезал, не делал вид, что ему тут все мешают жить. Просто ехал так, будто дорога — это еще одна система, с которой проще взаимодействовать точно, чем эмоционально.

Очень в его духе.

— Вы всегда сами за рулём? — спросила я, не выдержав тишины в салоне.

Он бросил на меня короткий взгляд.

— Почти всегда.

— Из любви к контролю? — стыдно было признаться, но он был мне интересен. Не как мужчина, конечно, как личность вокруг которой в тридцать с небольшим, если судить по внешности и по разговорам в офисе, которые обсуждали прошедшее празднование его дня рождения, уже собран очень успешный и крупный бизнес с непростыми объектами и решениями, которые приходится прирывать.

— Из нелюбви к лишним людям, — я прищурилась, глядя на его профиль и кивнула. Пусть Вельский не изменился в

лице, но я была сейчас совершенно уверена что он сказал абсолютную правду.

Я отвернулась, боясь что мой интерес будет истолкован неверно и посмотрела в окно. Ну конечно. С кем я вообще пытаюсь вести нормальный человеческий разговор.

— А вы? — спросил он через пару секунд, видимо решив не оставаться в долгу. — Всегда так готовитесь к рабочим выездам?

— Как именно?

— Термокружка, кофе, выражение лица, как будто вы пришли на казнь, а не на обычную субботнюю встречу, — перечислил он без каких-либо эмоций, которые вообще, кажется, считал избыточными. Меня, правда, едва заметно перекосило на словах про "обычную субботнюю встречу", но вельский оказался столь любезен что не заметил моего недовольствия и просто продолжил: — Будто от этой поездки зависит ваше право на существование.

— Вы с утра очень внимательны, — ядом в моем голосе можно было бы на месте убить слона, а вот у Вельского тос, с каким были сказаны эти слова вызвал лишь едва заметную мимолетную усмешку.

Прекрасно, я еще и веселю его сверх всякой меры, если он сподобился на какое-то подобие улыбки.

— Это не новость.

— Тогда и мой ответ не новость, — я глубоко вздохнула, в который раз напоминая себе о самом сложном, а вот все

де сказала это вслух: — Я просто хочу спокойно отработать день и закончить пораньше.

Он кивнул, глядя на дорогу.

— Это разумное желание.

— В вашем голосе сейчас скрытый сарказм?

— Нет.

Я подождала.

— И это как раз самое обидное, — пробормотала я.

На это он ничего не ответил.

Машина ехала ровно, город постепенно расступался, дома становились ниже, пустого пространства между ними — больше.

Я отпила из капучино и тут же разозлилась еще сильнее, потому что он оказался именно таким, как надо. Не слишком горячим, не сладким, нормальным.

— Вы что, и кофе умеете покупать безошибочно? — спросила я.

— Я просто запоминаю то, что вижу.

— И вы правда так живете?

Он не посмотрел на меня сразу. Сначала перестроился, включил поворотник, спокойно обошёл грузовик и только потом, не отрывая взгляда от дороги, сказал:

— В основном.

Я покосилась на него.

— Не завидую.

— Я и не предлагал.

Я тихо выдохнула и отвернулась к окну.

Вот именно из-за этого рядом с ним и было так сложно.

Он не нападал. Не хамил. Не флиртовал. Не делал ничего, за что можно было бы нормально зацепиться и потом честно злиться.

Он просто отвечал так, что после каждой реплики хотелось либо замолчать, либо ляпнуть ещё что-нибудь лишнее. И на этом фоне особенно глупо выглядело то, что часть меня, кажется, всё равно продолжала к нему прислушиваться.

Очень неприятный вывод для субботнего утра.

Дорога стала уже совсем не городской. Не область, конечно, не дачи и не поле, но тот самый неприятный пригородный пояс, где ещё вроде бы Москва, а вроде бы уже нет.

Серый забор. Заброшенная автомойка. Старые склады. Потом опять жилой массив. Потом дорога между участками, где ещё что-то строят, что-то уже бросили, а что-то так и стоит в подвешенном состоянии между прошлым и будущим.

Вельский, не отрываясь от дороги, сказал:

— Если станет плохо, скажете сразу.

Я сильнее сжала бумажный стакан.

— Мне не станет плохо, — сказала я настолько твердо, насколько могла, но предчувствие у меня было совершенно дряное.

— Хотелось бы, — он не улыбнулся, не посморрел на меня и от этого стало хуже.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Я повернула голову и посмотрела на него уже в упор.

С какого вообще он так спокойно говорит о моём самочувствии, будто имеет на это какое-то право? И с чего так уверен, что это вообще тема для разговора? Мы едем смотреть дом. Один дом. Не на операцию и не на край света.

— Вы вообще можете хотя бы один разговор довести до нормального человеческого вида?

Он не посмотрел на меня сразу. Только сменил полосу, пропустил вперёд машину и лишь потом сказал:

— А мы, по-вашему, сейчас чем занимаемся?

Я уставилась в лобовое стекло.

Вот именно из-за этого рядом с ним всё время было невозможно понять, он правда говорит серьёзно или просто у него даже такие вещи звучат как обычный рабочий комментарий.

Я открыла рот и снова закрыла.

Потому что, к сожалению, формально он был прав. Мы именно разговаривали. Просто в его исполнении обычный разговор всё время звучал так, будто под ним есть ещё один слой, который остается невысказанным.

И это бесило сильнее, чем если бы он просто был грубым.

Дом оказался не тем, чего я ждала.

Даже не знаю, чего именно я ждала — наверное, чего-то более театрального. Раз уж ради него у меня забрали суббо-

ту, он должен был хотя бы выглядеть внушительно.

Старый особняк. Заброшенная усадьба. Что-нибудь с трещинами, облупленной лепниной и окнами, которые уже заранее просят не входить.

А вместо этого перед нами оказался обычный старый дом, зажатый между новыми участками и пустой землей, где уже, видимо, что-то собирались строить.

Не уродливый. Не красивый. Просто неуместный. Двухэтажный, потемневший, с глухим фасадом, на который когда-то, возможно, даже было приятно смотреть. Сейчас он выглядел как вещь, которую слишком долго не решались выбросить, а потом вдруг решили встроить в новую дорогую жизнь и удивились, что она не подходит.

Рядом стояла машина охраны. Чуть дальше — еще одна, служебная. Пара мужчин о чём-то говорили у временного ограждения. Всё предельно буднично. Ни тумана. Ни воронов. Ни ощущения, что сейчас из окна вылезет рука мертвеца и отменит проект.

И всё же что-то в этом месте было не так.

Я вышла из машины и почти сразу почувствовала это телом, раньше мысли.

Не страх. Не “мне здесь не нравится”, как бывает от просто унылого места.

Скорее воздух здесь ощущался чуть плотнее, чем должен. Как будто в нём было что-то лишнее, но настолько тонкое, что не ухватить словами.

В висках сразу неприятно потянуло. Не больно. Просто как перед мигренью, когда организм первым понимает, что его сейчас попросят потерпеть.

Я закрыла машину и огляделась еще раз.

Ветер вроде был. Серое небо — тоже. Из-под ограждения торчала жухлая прошлогодняя трава. Шаги хрустели по гравию. Один мужчина из охраны кивнул Вельскому, второй сразу отступил в сторону, освобождая проход.

Всё обычное. Вот только у меня почему-то уже пересохло во рту.

— Лада.

Я повернулась.

Вельский стоял рядом, держа свой стакан за крышку, и смотрел не на дом, а на меня.

— Идемте.

— Да, — сказала я слишком быстро.

Мы пошли к ограждению. Гравий под ногами хрустел слишком громко. Или это мне так казалось.

Я старалась смотреть по сторонам с рабочим интересом: вход, окна, подъезд, двор, временные конструкции, всё то, на что и должна смотреть помощница на выезде. Но взгляд всё время возвращался к самому дому.

В нём не было ничего кричащего.

И именно это раздражало.

Если место вызывает у тебя такую реакцию, оно могло бы хотя бы выглядеть соответственно. А не стоять обычной ста-

рой коробкой, от которой почему-то хочется отвести глаза и одновременно смотреть еще внимательнее.

— Здесь уже кто-то смотрел всё до нас? — спросила я, больше для того, чтобы не идти молча.

— Да.

— И что?

— И мне не нравятся результаты.

Ну конечно.

А кому что у вас вообще нравится, Александр Леонидович.

Мы подошли ближе. На ступеньках у входа кто-то оставил следы грязи, дверь была приоткрыта, и именно в этот момент меня кольнуло сильнее — коротко, резко, в переносице и висках, как будто я слишком быстро вышла из тёплого помещения на мороз.

Я замедлилась почти незаметно.

По крайней мере, мне хотелось верить, что незаметно.

— Вы в порядке? — спросил Вельский, не поворачивая головы.

Я стиснула зубы.

— Да.

— Хорошо.

Нет. Не хорошо. Вообще ни разу не хорошо. Но объяснять это вслух на пороге старого дома, в котором мы даже еще не вошли, я точно не собиралась.

Внутри было прохладно.

Не по-подвальному сыро, а просто прохладно — так, как бывает в старых домах, которые слишком долго стояли без жизни и теперь не знают, как реагировать на людей. Свет из окон был серый, пыль не летала красивыми лучами, половицы не скрипели зловеще, стены не дышали мне в лицо древним проклятием. И, наверное, именно поэтому мне стало ещё хуже.

Слишком обычное место не имело права так действовать на тело.

Вельский говорил о чём-то с мужчиной из проектной группы.

Я слушала и почти не слышала. Речь шла о доступе, обследовании, несущих стенах, юридическом статусе части участка, ещё о чём-то, что в нормальном состоянии я бы спокойно удерживала и раскладывала по папкам в голове. Сейчас слова цеплялись с запозданием, как будто мне приходилось пробиваться к ним через вату.

Я прошла следом за ними вглубь первого этажа. Старые комнаты, потемневший паркет, лестница, слишком узкий коридор, запах дерева, пыли и чего-то ещё — не плесени даже, а просто застоявшегося времени. Ужасная, бессмысленная формулировка, но именно она первой пришла.

Голова болела уже ощутимо.

Я разжала пальцы, только сейчас заметив, что всё это время слишком сильно сжимала термокружку.

Не надо.

Просто соберись.

Это дом.

Просто дом.

Обычный дом, в котором тебе почему-то не нравится дышать.

Бывает.

Может, не выспалась. Может, потому что не позавтракала. Может, это всё вчерашний вечер, Макс, злость, суббота, Вельский, сама жизнь и прочие скучные объяснения, которые мне были нужны гораздо больше, чем любые другие.

— Здесь, — сказал кто-то впереди.

Я подняла голову.

Комната справа. Почти пустая. Только стол у стены, какие-то разложенные листы, строительный уровень, старая рама, снятая с окна и поставленная как попало. Обычная рабочая обстановка. И в тот момент, когда я переступила порог, меня накрыло сильнее.

Не зрелищно.

Просто разом сжало виски так, что на секунду потемнело по краям зрения. В груди стало неприятно пусто, как бывает в лифте, когда он вдруг дергается не туда. Я остановилась.

Совсем на миг.

Но этого хватило, чтобы мир тоже как будто замер вместе со мной.

— Лада? — окликнул меня Вельский, глядя не в бумаги или на людей, а на меня. От этого стало не по себе.

Я медленно повернула голову и сжала губы.

— Всё нормально, — сказала я.

Слишком быстро.

Он ничего не ответил сразу, и это было хуже всего.

Я знала уже эту его манеру: не спорить на месте, не сыпать вопросами, а просто смотреть так, будто твоя версия событий занесена в его внутренний реестр под грифом “сомнительно”.

Я шагнула внутрь комнаты.

Зря.

Стало так мерзко, что меня почти качнуло. Не так, чтобы кто-то со стороны ахнул и побежал спасать. Но тело уже всерьез начинало спорить с моей головой.

— Извините, — сказала я и сама не узнала свой голос. — Я выйду на минуту.

Мужчина из проектной группы посмотрел на меня мельком, без особого интереса, и кивнул, как кивают человеку, которому просто стало душно. Спасибо тебе, коллега, ты сейчас лучший человек в этом доме.

Я развернулась и слишком быстро вышла обратно в коридор.

Не бегом.

И только там поняла, что дышу чаще, чем должна. Как после резкого подъема по лестнице. Или после дурного сна, который закончился, а тело еще не верит в это.

Черт.

Нет. Нет-нет.

Только не это.

Не здесь. Не сейчас. Не в первую же поездку, где я так хотела просто отработать день и уехать домой.

Я прислонилась плечом к стене. Холодная Слишком холодная. Закрыла глаза и попробовала выровнять дыхание.

Ничего страшного.

Сейчас пройдёт.

Сейчас я выйду на улицу, попью кофе, приду в себя и сделаю вид, что это была просто духота, просто недосып, просто какая угодно телесная глупость, за которую не обязана отчитываться никому, особенно Александру Леонидовичу Вельскому.

— Лада.

Ну конечно.

Я открыла глаза.

Он стоял в паре шагов, без спешки, без тревожной суеты, без лишних движений. И от этого снова хотелось огрызнуться сильнее, чем если бы он бросился с вопросами.

— Мне просто нужен воздух, — сказала я раньше, чем он успел что-либо спросить.

— Хорошо.

И всё.

Только это слово.

Но в его голосе было слишком мало удивления.

Словно он уже видел именно это.

Словно не сомневался, что мне придется выйти.

Он не подошёл вплотную.

Не взял за локоть, не полез в лицо с вопросами, не начал играть в человека, который внезапно озаботился чужим самочувствием. И за это я была ему почти благодарна. Почти — потому что одновременно меня раздражало, насколько спокойно он всё это принял. Как будто заранее учитывал такой вариант.

— На улицу? — спросил он.

Я кивнула.

Мы вышли молча. Он первым, я за ним, и само это “я за ним” в тот момент бесило отдельно. Мне не нравилось, что тело уже выбрало за меня роль человека, которому сейчас нужен выход и воздух.

На крыльце стало лучше не сразу, но заметно. Холодный воздух ударил в лицо, ветер дернул волосы, я сделала вдох, потом еще один, и только тогда в голове чуть прояснилось. Виски все еще тянуло, но уже не так, что в глазах темнело.

Я крепче сжала свою термокружку, открыла, отпила давно остывшего кофе и уставилась в сторону дороги.

— Укачало? — спросил Вельский.

— Нет.

— Голова?

Я повернула к нему голову.

— Почему вы спрашиваете так, будто перебираете варианты из списка?

Он посмотрел на меня спокойно.

— Потому что я их перебираю, — невозможное существо... как можно быть таким спокойным, таким честным и при этом таким несносным одновременно?

Господи.

— У меня всё нормально, — сказала я упрямо, вдыхая холодный воздух сквозь зубы.

— Да, конечно, — поди разбери, шутит он, иронизирует или и правда согласен с моими словами.

Вот это его “да” было отдельным видом издевательства. Не спорит. Не ловит на слове. Просто даёт понять, что верить не обязан.

Я отвела взгляд и ещё раз вдохнула холодный воздух.

— Мне просто там не понравилось, — сказала я уже тише.
— Бывает.

— Бывает, — согласился он без спора, и от этого стало только хуже.

Я сжала термокружку крепче.

— Вот именно. И всё.

Он помолчал секунду, глядя не на меня, а куда-то мимо, на дом.

— Не думаю.

Я закрыла глаза на мгновение.

Он стоял рядом, чуть сбоку, не глядя на меня в упор, и это почему-то нервировало сильнее, чем если бы смотрел. Как будто он уже достаточно увидел внутри дома и теперь просто

ждал, что я скажу сама.

Не дождётся.

Я отпила ещё кофе, уже горького и остывшего, и скривилась.

— Отличное утро, — сказала я хмуро.

— Не худшее.

— Вы сейчас серьёзно?

Он посмотрел на дом. Потом на меня.

— Да, — сказал он спокойно. То ли у него это правда был способ успокоить, то ли он просто не видел повода драматизировать, пока я не упала лицом в пыль.

— Мне не нравится это место, — сказала я наконец.

Слова вышли сами. Не потому что я так уж хотела признаться. Просто врать дальше в лоб стало уже слишком глупо.

— В каком смысле? — спросил он.

— В прямом. Мне от него... неприятно, — я подавила приступ тошноты, подступившей к горлу и постаралась слабо улыбнуться.

Очень тупое слово. Очень.

Но ничего лучше в тот момент не нашлось. И от этого было отдельно стыдно. Рабочий день, взрослые люди, объект, документы, а я стою перед Вельским и говорю так, будто мне не тридцать без малого, а сто лет и я сейчас начну объяснять, что у дома дурной глаз.

Он кивнул. Без жалости и облегчения. Просто как чело-

век, который услышал важную для себя вещь и принял к сведению.

— Хорошо.

Я подняла на него глаза.

— Что именно в этом хорошего?

Он ответил не сразу. Сначала просто посмотрел на меня тем своим совершенно спокойным лицом, с которого вообще трудно было что-то считать заранее.

— То, что вы это всё-таки сказали.

Я уставилась на него, не сразу понимая, что именно в этой фразе царапает сильнее — смысл или тон. Голос у него был ровный, негромкий, без нажима. От этого всё только сильнее походило не на случайный разговор, а на что-то, что он давно для себя отметил и теперь просто подтвердил.

— Я не совсем понимаю, почему для вас это так важно,
— сказала я уже тише.

Он чуть заметно перевёл взгляд в сторону дома, потом снова на меня. Лицо всё такое же спокойное.

— Потому что не люблю случайностей.

Ну конечно.

Я отвернулась первой, потому что иначе ещё немного — и я либо начну на него орать, либо задам вопрос, который точно пока задавать не стоит.

Например, с какого чёрта он так внимательно на это смотрит.

Или почему он не удивлён.

Или почему именно мне кажется, что дом изнутри как будто давит не на голову даже, а глубже, туда, где никакая логика уже не особенно помогает.

Я вдохнула еще раз и почувствовала, что могу стоять нормально.

— Пойдемте, — сказала я. — Я не хочу торчать тут как барышня с обморочной натурой.

Он посмотрел на меня слишком спокойно.

— Лада, если вам станет хуже, вы скажете сразу.

— Мне уже лучше, — упрямство всегда было моей сильной чертой, особенно упрямство вызванное нежеланием признавать даже самой себе не только факт не кстати случившегося недомогания, но и то что внутри я отлично понимала, чем оно вызвано.

— Это не ответ, — вот теперь в его голосе прозвучал металл, который я раньше не слышала и, признаться, слышать снова мне бы этот тон не хотелось.

— Это тот ответ, который вы получите, — да, у меня появилось ужасное желание расправить спину, выпрямиться и подчиниться чужой воли, но так просто я не собиралась отступать от своей позиции.

На секунду в его глазах мелькнуло что-то похожее на ту самую мысль, которую кажется, не понравилась ему самому. Потом взгляд вновь стал прежним, холодным и очень собранным, но не злым.

— Хорошо, — сказал он.

И от этого “хорошо” я уже знала: ни черта он не считает это хорошим. Просто пока решил не давить.

Мы снова пошли к дому. На ступеньках я уже заранее чувствовала, как внутри всё сжимается, будто тело запомнило маршрут быстрее меня.

Вельский открыл дверь, пропуская меня вперёд, и в этот короткий момент я вдруг поняла одну неприятную вещь: дело больше не только в том, что мне не нравится старый дом. Дело в том, что теперь он это тоже знает и, кажется, уже сделал совершенно неправильные выводы... или, напротив, очень правильные.

Глава 4

На воздухе мне стало лучше ровно настолько, чтобы снова можно было врать хотя бы без явного позора.

Я допила уже почти остывший кофе, ещё раз вдохнула ветер, поправила волосы, которые этот ветер успел распотрошить, и сказала себе очень простую вещь: всё. Хватит. Сейчас ты возвращаешься внутрь, смотришь, слушаешь, записываешь, не падаешь, не грубишь и не устраиваешь Александру Леонидовичу ещё одну незапланированную субботнюю катастрофу.

С последним было сложнее всего.

Потому что Вельский стоял рядом так, будто ничего особенного не произошло. Как будто женщины вообще часто выходят подышать на улицу посреди осмотра старого дома, потому что дом вдруг начинает действовать им на виски, а потом так же спокойно возвращаются обратно. И именно это его спокойствие раздражало до одури.

Если бы он хоть раз спросил как-то нерабоче. Хоть раз дернулся. Хоть как-нибудь показал, что происходящее выходит за границы “неприятного объекта”, мне, может, было бы легче. Но нет. Он стоял в пальто, с идеальным спокойным лицом, и смотрел то на дом, то на меня так, будто просто переставил в голове пару новых вводных.

Я ненавидела, когда меня переставляли в голове.

— Идемте, — сказал он.

Я кивнула и первой пошла к крыльцу, просто чтобы не чувствовать себя человеком, которого ведут.

Глупая мелочь, но мне было важно хотя бы это. Под ногами хрустнул гравий, прошлогодняя жухлая трава у ограждения дрогнула от ветра, за спиной один из проектировщиков кому-то коротко сказал в телефон: “Пять минут”.

Всё звучало нормально. Обыденно. Почти так, будто ничего странного и не случилось.

Внутри дома от этого “почти” не осталось и следа.

Я переступила порог и почувствовала, как тело снова собирается в ту жесткую, ненужную внимательность, которая появляется, когда тыходишь туда, где тебе явно не рады. И хуже всего было то, что разум тут вообще ничем не помогал: он не находил ни одной нормальной причины для такой реакции.

Вельский не задавал вопросов.

Не говорил: “Ну что?”.

Не уточнял, не кружится ли у меня голова, не хочется ли мне выйти на воздух еще раз, не собираюсь ли я снова делать вид, что просто душно. Он вообще ничего не сказал. Но маршрут тут же изменился.

До этого я шла почти сама по себе, держась за проектную группу и пытаюсь ловить хоть какие-то рабочие смыслы. Теперь стало иначе. Вельский как будто незаметно взял на себя всё: кто куда идет, где кто стоит, когда мы тормозим,

в какую комнату заходим сначала, в какую потом. Ничего показательного. Никаких “сюда”, “туда”, “подождите”. Просто каждый раз оказывалось, что я или иду за ним, или стою именно там, где он, видимо, счел правильным меня поставить.

И это бесило сильнее, чем сам дом.

Потому что дом хотя бы был чужой. А Вельский вёл себя так, словно уже включил меня в свою внутреннюю схему движения по этому чертовому месту, и я там шла в графе “риск”, “ограничение” или “хрупкий элемент”, не знаю. Но явно не в графе “взрослый человек, который сам в состоянии решить, куда ему наступать”.

Мы снова поднялись на второй этаж. Виски сразу стянуло той же тупой, знакомой тяжестью, но уже не так резко, как в первый раз. Или я просто злее стала и злость временно работала как обезболивающее.

Вельский остановился у двери в дальнюю комнату, коротко что-то спросил у одного из сотрудников про вчерашние замеры, выслушал ответ и кивнул. Потом, не глядя на меня, шагнул чуть в сторону — и так удачно, что я автоматически осталась ближе к лестнице, а он оказался между мной и самой узкой частью коридора.

Вот это уже было совсем не случайно.

Я подняла на него глаза.

Он в этот момент смотрел на стену, на старую раму, на что угодно, только не на меня. Будто всё так и должно быть.

Будто он вовсе не сдвинулся ровно туда, откуда проще контролировать, куда я пойду дальше.

Прекрасно.

Просто прекрасно.

Мы обошли ещё две комнаты. В одной было просто пусто и холодно, в другой — стол, документы, старые следы чьей-то жизни на стенах и очень неприятное ощущение, что воздух здесь плотнее, чем везде остальном доме. Не страшнее. Не темнее. Просто плотнее. Как если бы что-то годами копилось в этих стенах, а теперь не знало, куда деваться.

Я старалась держаться ровно. Спокойно. По-рабочему. Кивала, когда надо. Слушала. Смотрела. Даже пару раз что-то уточнила по делу, просто чтобы у самой не было ощущения, что я здесь уже не помощница, а случайно привезенная на объект нервная проблема.

Вельский замечал всё.

Это уже начинало становиться отдельной формой насилия.

— Лада, — сказал он в какой-то момент, когда я уже собиралась пройти к следующему дверному проему.

Я обернулась.

— Что?

— Не сюда, — слишком тихий голос чтобы его услышал кто то кроме меня и слишком жесткая интонация, чтобы можно было послушаться.

Я замерла в шаге от комнаты и медленно повернулась к

нему всем корпусом.

— Что значит “не сюда”?

Он стоял в нескольких шагах, держа в руке планшет, который ему только что передали, и смотрел на меня с совершенно ровным лицом.

— Это значит, что вы пока останетесь здесь.

Я даже не сразу нашлась.

— На каком основании?

— На том, что вам и так уже нехорошо.

Господи.

Меня задел даже не сам смысл. Не то, что он, возможно, был прав. А то, как спокойно и по-деловому это прозвучало — будто моё самочувствие уже перестало быть чем-то личным и стало ещё одной деталью осмотра.

— У меня всё нормально, — сказала я снова. Да, эту нехитрую фразу я была готова повторять до бесконечности, чтобы убедить в этом даже не его, а себя.

— Нет.

И вот это короткое “нет” опять сработало, как удар по нерву. Ровное. Негромкое. Без тени сомнения.

— Вы что, решили, что теперь можете командовать, как мне себя чувствовать?

Один из проектировщиков, стоявший дальше, очень старательно сделал вид, что ему срочно понадобилось посмотреть в окно. Умница. Настоящий профессионал. Всем бы такой уровень такта.

Вельский не повысил голос, не нахмурился, не сделал вообще ничего эффектного. Просто чуть сдвинул планшет из одной руки в другую и сказал:

— Я решил, что вы туда не идете.

— Это не ответ.

— Для меня — вполне.

Я стиснула зубы.

Это уже было не про дом. Точнее, не только про дом. Про дом — да, меня от него вело, и отрицать это становилось всё тяжелее. Но гораздо сильнее меня сейчас бесило то, как быстро Вельский встроил моё состояние в свой порядок вещей. Сдвинул маршрут. Начал ставить меня там, где, по его мнению, безопасно. Смотрел так, будто вопрос уже не в том, есть ли со мной проблема, а только в том, как лучше с ней обращаться.

Я не хотела быть “обращением”.

— Я вам не фарфоровая чашка, — сказала я.

Он на секунду замолчал. И в этой короткой паузе я почти с удовольствием увидела, что моя реплика всё-таки слегка вышла за пределы его внутреннего сценария.

— Нет, — ответил он. — Чашки хотя бы не спорят.

Вот тут я уже почти рассмеялась. От злости, конечно. Не от его юмора.

И именно из-за этого стало ещё хуже.

Потому что дом давил, виски тянуло, а этот мужчина в пальто и свитере, без костюма, без галстука, без своей при-

вычной офисной брони, всё равно умудрялся оставаться тем же невыносимо собранным Вельским, который почему-то решил, что моё тело — ещё одна вещь, которую он может грамотно разместить в пространстве.

Я смотрела на него и чувствовала, как злость поднимается уже не резко, а тяжело, почти вязко.

— Вам даже в голову не приходит, что можно было просто спросить?

Он не ответил сразу.

— О чём именно?

— О том, в состоянии ли я сама решить, куда мне идти и когда остановиться.

Вельский посмотрел на меня спокойно. Слишком спокойно для человека, который только что, по сути, отодвинул меня с дороги одним тоном.

— Если бы я считал, что вы сейчас это решаете достаточно трезво, я бы спросил.

Вот это уже ударило по-настоящему.

— То есть вы просто решили, что знаете лучше.

— В данном случае — да, — он сказал это без нажима, без бравады, даже без желания поставить меня на место. Просто как факт. А от фактов, сказанных таким тоном, злость почему-то только сильнее.

— Вы всё время ведете себя так, будто вам можно. Можно заметить. Можно решить. Можно переставить меня из одной точки в другую просто потому, что вам так удобнее. А меня,

на секунду, никто не спрашивал, комфортно ли мне вообще быть частью этой вашей внутренней схемы.

Проектники молчали так профессионально, что за это им уже можно было выписывать премию. Никто не уходил. Никто не вмешивался. Но пространство вокруг нас всё равно стало уже. Даже без мистики. Просто по-человечески уже — так бывает, когда двое перестают прятаться за нормальный тон и начинают говорить уже по-настоящему.

— Лада, — сказал он. — Сейчас мне не особенно интересно, как это сформулировать, чтобы вам было комфортнее.

— Конечно. Вам вообще, по-моему, очень удобно жить в мире, где все чужие реакции — это досадный шум вокруг задачи.

На этих словах он чуть сузил глаза. Совсем немного. Не злость даже. Скорее то самое опасное внимание, с которым он, кажется, отмечал про себя действительно важные вещи.

— Я не считаю вашу реакцию шумом.

— Да? А чем тогда?

Он ответил не сразу.

И вот тут мне стало стыдно. Не за слова даже — за себя. За то, как сильно меня уже ведёт, если я вообще дошла до этого разговора. За то, что он всё это видит.

И сильнее всего бесило, что всё летит к чёрту именно сегодня.

Не в какой-нибудь случайный вторник, не в длинный рабочий день, который и так не жалко. А в субботу. В субботу,

которую я с утра так упрямо решила спасти: просто нормально отработать, никому не создавать проблем, сделать всё как надо, не облажаться и уехать пораньше. Вернуть себе вечер. Макса. Нормальную жизнь. Хотя что-нибудь.

Вместо этого я стояла посреди старого дома, сжимала термокружку так, будто она могла удержать меня в приличном человеческом состоянии, и спорила с собственным начальником о вещах, которые в нормальном мире вообще не должны звучать вслух. Одна из самых дрянных суббот в моей жизни и без того была связана с бабкой, но эта, кажется, уже уверенно выходила в лидеры.

В обычный рабочий день я бы никогда не стояла перед ним вот так и не выясняла, кто из нас что считает и кем именно он меня уже успел назначить в своей голове.

— Тем, что влияет на ситуацию, — сказал он наконец.

И это было хуже.

Потому что “шум” еще можно было бы ненавидеть. А вот это — нет. Это уже всерьёз.

— Вы сейчас очень спокойно называете меня фактором, — сказала я.

— Я называю фактором то, что происходит. Не вас.

— Какая щедрая поправка.

— Я не пытаюсь вас задеть.

— Нет, — сказала я и сама услышала, как у меня дрогнул голос. — Вы просто слишком быстро начали вести себя так, будто имеете право распоряжаться моим самочувствием, как

частью рабочего процесса.

Вот. Сказала.

Наверное, именно это было самой честной фразой за весь день. Потому что дело действительно было не только в доме.

Дом давил на виски, на дыхание, на ту тонкую часть тела, которая первой понимает, что где-то не так. Но Вельский давил на другое. На чувство контроля над собой. На право самой решить, мне плохо или нет, идти мне дальше или нет, что вообще происходит с моим телом в этом доме и почему мне от этого так мерзко.

— Я не распоряжаюсь вашим самочувствием, — сказал он.

— Вы уже это делаете.

Он смотрел на меня спокойно. Слишком спокойно.

— Нет. Я просто отказываюсь делать вид, что не вижу очевидного.

И именно из-за того, как ровно он это произнёс, я поняла, что сейчас ещё немного — и сорвусь уже не в колкость, а по-настоящему.

— А вы не думали, что, может быть, я не хочу, чтобы это было очевидно? — спросила я.

Вот теперь он замолчал. В этой паузе было всё, что я не сказала вслух: что мне тошно от того, как он смотрит; что мне стыдно стоять перед ним вот так; что я не хочу быть женщиной, которая на серьёзном рабочем объекте говорит “мне здесь нехорошо”, как какая-то бабка с деревенским чутьем

на дурные дома; что я вообще не хочу, чтобы в этой картине так явно было мое самочувствие — виски, горло, сбившееся дыхание.

— Принято, — сказал он наконец. — Но это уже ничего не меняет.

Вот тут я чуть не рассмеялась.

Потому что это было так по-вельски, что даже красиво. Сдержанно. Точно. Почти не жестоко — просто очень окончательно.

И именно в этот момент дом, кажется, решил, что с него тоже хватит.

Это началось не звуком и не светом.

Сначала просто стало тише. Не в коридоре даже, а в самой комнате, куда я пыталась пройти. Тише, чем должно быть в доме, где есть люди, ветер за окнами, чьи-то шаги на лестнице, чужая техника, голоса. Как будто воздух на секунду собрался слишком плотно и проглотил верхний слой всех звуков.

Я замолчала на полуслове.

Вельский тоже.

Вот это и было самым плохим.

Потому что если бы только я, можно было бы еще попытаться списать всё на свою чудесную субботнюю нервную систему. Но он оборвал движение, чуть повернул голову и посмотрел вглубь комнаты уже не как человек, занятый спором с помощницей, а как тот, кто вдруг заметил в объекте что-

то не по плану.

Один из проектировщиков опустил глаза в планшет.

Тот мигнул и погас.

Просто взял и погас у него в руках.

— Что за... — начал он, встряхнул его, снова нажал кнопку.

Ничего.

Второй мужчина, стоявший у окна, поднял голову.

— Сел?

— Был почти полный.

И вот тут у меня внутри всё оборвалось. Так же резко и гадко, как в первый рабочий день, когда у меня перед Вельским сдох сначала ноутбук, потом телефон, и я стояла с ощущением, что прямо сейчас меня аккуратно, без лишнего шума сотрут из списка живых. Только тогда это было униЗИтельно. А сейчас — хуже. Тогда я хотя бы могла думать, что просто ужасно облажалась. Сейчас эта мысль уже не спасала.

Я стояла, не двигаясь.

Виски сдавило так резко, что на секунду перестало быть понятно, где в этой картине заканчивается дом и где начинаюсь я.

Воздух с виду оставался совершенно обычным: те же окна, те же стены, тот же старый стол, та же облупленная рама. Ничего такого, во что можно ткнуть пальцем и сказать: вот, видите?

Внутри этого обычного вдруг стало невозможно стоять.

Как будто в меня медленно, упрямо вкручивали что-то холодное — не в кожу даже, а глубже, туда, где тело уже само понимает, что с местом что-то не так, а голова всё ещё пытается притворяться взрослой и разумной.

Вельский не смотрел на проектников.

Он смотрел туда, куда я всё это время не хотела смотреть слишком внимательно — на меня и на дверной проём одновременно. Как будто именно между этим домом и моим телом сейчас происходило что-то, чего он не ожидал увидеть так быстро.

— Пойдемте вниз, — сказал он.

Не громко.

Но в этот раз в голосе появилось то, чего раньше не было. Не паника. Не жёсткость ради власти. Скорее скорость. Как если бы решение уже принято и дальше оставалось только делать.

Проектники двинулись сразу. Один ещё пытался оживить планшет на ходу, второй убирал документы, третий что-то сказал. Всё это было до смешного нормальным на фоне того, как сильно меня в этот момент прошивало от одного лишь ощущения комнаты.

Я сделала шаг назад.

Зря.

Потому что пол под ногой как будто оказался не там, где я ожидала. Не провалился. Не поехал. Просто тело вдруг потеряло связь с обычным чувством пространства на долю се-

кунды — а этого вполне достаточно, чтобы качнуться, когда и так держишься на злости и упрямстве.

Вельский оказался рядом сразу.

Слишком быстро.

Как будто всё это время уже был внутренне готов к тому, что именно сейчас меня поведёт сильнее.

Он схватил меня за запястье.

Коротко. Точно. Без рывка. Просто не давая сделать еще один шаг в комнату.

И в ту же секунду воздух изменился снова.

Не в комнате уже — между нами.

Это было так тонко, что если бы я попыталась потом объяснить, сама бы себе не поверила. Не искра, не жар, не какая-нибудь романтическая чушь, которой тут и близко быть не должно. Хуже. Как будто дом вдруг очень чётко отметил точку, где я и он оказались в одном напряжении.

Меня качнуло не от него. И не от комнаты отдельно. А от того, что всё это на секунду совпало.

Я резко вскинула голову.

Вельский смотрел уже не на меня, а сквозь — в самую комнату, в дверной проём, в воздух, я не знаю куда. Но пальцев не разжал. И лицо у него оставалось почти таким же спокойным, как всегда.

Почти.

Только в глазах появилась собранность другого порядка. Не та, с которой он ведёт совещание или ставит людей на

место. Быстрее. Жёстче. Как будто в следующий момент он был готов не спорить, а делать.

— Назад, — сказал он.

Не просьба.

Не крик.

Просто слово, которому в этот момент почему-то невозможно было не подчиниться.

Я не ответила. И не потому, что слушалась его. Потому что в ту же секунду поняла: если дернуться, шагнуть, вывернуться, доказать ему свое право стоять где хочу — станет хуже.

Он отвел меня от дверного проёма почти незаметно.

Не тащил — и от этого было только острее, потому что я слишком ясно чувствовала: он не борется со мной, он меня удерживает. Как удерживают что-то, что не должны сейчас отпустить дальше.

Когда мы оказались в коридоре, он отпустил запястье.

Кожа тут же вспыхнула.

Я отступила на шаг.

И сразу почувствовала, как дом снова наваливается сильнее.

Вот это было уже по-настоящему плохо.

Потому что рядом с ним в ту секунду мне дышалось хоть на каплю легче. Стоило отойти — и всё вернулось. Давление в висках. Сухость в горле. То мерзкое ощущение, будто пространство начинает тебя подталкивать не в ту сторону.

Нет.

Нет-нет.

Я не собиралась стоять тут и признавать, что мне стало легче не просто от того, что меня вытащили из комнаты, а от его близости в той конкретной секунде. Это звучало бы так плохо, что я бы сама себе влепила пощёчину.

Но, судя по его лицу, Вельский тоже что-то понял. Потому что он стоял слишком близко, смотрел слишком внимательно и, кажется, уже не мог делать вид, что всё происходящее — просто моя впечатлительность.

— На улицу, — сказал он.

Я только кивнула.

На большее меня не хватило.

На улице ветер ударил в лицо так резко, будто кто-то специально распахнул окно в другой реальности и выпустил сюда всё, что ещё можно было считать нормальным.

Я жадно вдохнула и только тогда поняла, насколько до этого мне не хватало воздуха. Гравий под ногами хрустнул слишком громко. У ограждения шевельнулась жухлая трава. Один из проектников что-то сказал в телефон вполголоса, другой курил, отвернувшись в сторону, и вообще всё вокруг было настолько обыденно, что хотелось сесть прямо на землю и остаться здесь до вечера.

Вельский не отходил далеко.

Не трогал меня.

Не заговаривал сразу.

Но стоял достаточно близко, чтобы я всё равно чувствовала его рядом — пальто, холод, сухой запах кофе, ту невозможную собранность, которая у него почему-то не слетала даже в такие моменты.

Я сделала еще один вдох.

Потом ещё.

— Лучше? — спросил он.

Я даже не сразу ответила. Потому что в этом коротком слове не было ни жалости, ни раздражения, ни того мягкого человеческого тона, за который можно было бы честно ненавидеть. Просто вопрос. Очень спокойный. И, кажется, слишком внимательный.

— Не знаю, — сказала я честно.

Это прозвучало слабее, чем мне хотелось, и я сразу разозлилась. Почему рядом с ним у меня вообще всё время так: либо слишком резко, либо вот так — жалко и не к месту.

— Лада.

— Что? — я чуть развела руками, действительно не понимая что еще от меня нужно этому несносному человеку.

Он смотрел на меня всё так же спокойно.

— Перестаньте делать вид, что дело только в доме, — эти слова заставили меня сжаться и замереть, уставившись на него с суеверным ужасом. Нет. Он же не называет меня ведьмой? Он же не намекает, что скорее поверит в "плохой дом", чем в недосып, спертый воздух в давно не проветренном помещении и нервы у своей помощницы?

— А в чём ещё? — спросила я тихо.

— В том, что рядом с домом вы пытаетесь держаться так, будто ваше состояние можно отменить одним упрямством, — поразительно точное замечание для человека, который помимо наблюдения за мной ещё и раздавал распоряжения своим сотрудникам.

— Вы всё время говорите так, будто уже всё поняли, — сказала я тихо, надеясь только на отрицательный ответ или на то, что он и правда сейчас шутит в своей сухой и моментами совершенно не смешной манере.

— Нет, — можно было бы выдохнуть, но под этим коротким "нет" мне мерещилось то, что он может и не понял всего до конца, но картина перед ним уже совершенно недвусмысленная, и что хуже всего, он, кажется, не готов отмахиваться от этого как от бреда.

— Да, — сказала резче, чем хотелось бы.

— Я понял достаточно, чтобы не считать это случайностью, — я глубоко вдохнула, прикрывая глаза на эти слова, сказанные совершенно спокойно по-вельски.

Это ударило сразу в два места. По дому и по мне.

Потому что если он не считает это случайностью, значит, считает закономерностью. А от закономерности уже не отмахнешься “нервами”, “плохим утром” и “мне просто не нравится старый дом”. Закономерность — это хуже. Это значит, что всё может оказаться про меня. А я вот этого не хотела ни в каком виде.

— Вы вообще слышите, как это звучит? — спросила я уже тише.

— Да.

— И вас это не смущает?

Он посмотрел на дом, потом снова на меня.

— Меня сейчас смущает совсем другое.

— Что именно? — тон у меня вышел мягким, именно такой, каким принято говорить о мистике, когда сам в нее отчаянно пытаешься не верить, а вот собеседник придает слишком много значения мелочам, которые обычный человек примет за какую-то бытовую мелочь.

Он ответил не сразу.

— То, что это место реагирует на вас сильнее, чем должно.

Я замолчала.

Ветер шевельнул волосы, полез в ворот пальто, где-то за забором проскочила машина, и на секунду всё это показалось слишком обычным для разговора, который у нас сейчас был.

— То есть вы уже знаете, как оно должно себя вести? — я не удержалась от кривой улыбки.

— Лучше, чем вы, — я фыркнула, моткнула головой, но картинка все равно упрямо не хотела складываться. Почему этот серьезный успешный мужчина говорит таким голосом о месте, которое каким-то странным образом попало в сферу его деловых интересов и использует свою помощницу как детектор аномалий?

Ну конечно.

Я устало провела ладонью по лицу.

— Звучит это всё равно ужасно высокомерно.

— Возможно.

Я закрыла глаза на секунду.

— Вот поэтому с вами так трудно разговаривать, — сказала я уже совершенно устало.

Он на миг отвел взгляд.

— Я заметил.

И вот поди разбери. То ли он правда сейчас сказал это почти как сухую шутку, то ли у него даже самые странные реплики звучат так, будто это обычный рабочий комментарий.

Я отвернулась и посмотрела на дом.

Именно в этот момент мне впервые пришла в голову настоящему неприятная мысль: если ему так явно не всё равно, что со мной происходит рядом с этим местом, значит, он уже стоит внутри этой истории глубже, чем показывал. И если это правда, то дело у нас не просто в плохом доме.

И не просто во мне.

Мы вернулись не сразу.

Вельский дал проектникам еще несколько распоряжений — коротких, спокойных, таких, после которых все моментально начинают двигаться быстрее и точнее. Кто-то остался снаружи, кто-то пошел за документами в машину, кто-то сверял что-то в телефоне, который, слава богу, ещё работал. А я стояла рядом с дверью, делая вид, что мне просто холод-

но и вообще-то ничего такого не произошло.

Это “делая вид” давалось всё хуже.

Я слишком хорошо помнила ту секунду в коридоре. Его руку на запястье. То, как воздух вдруг стал другим. И главное — то, что это почувствовал не только мой чудесный организм. Он тоже. Я видела это совершенно ясно. В его лице, в паузе, в том, как быстро он перестал спорить словами и начал просто действовать.

Это сидело под кожей хуже дома.

Потому что дом хотя бы был домом. Старым. Чужим. Неприятным. А вот то, что произошло между нами в ту секунду, никак не укладывалось в рабочий день, субботний выезд и безопасную нормальность.

Я снова посмотрела на своё запястье. Следов не осталось, конечно. Кожа уже ничего не помнила. А вот всё остальное — ещё да. Очень не вовремя.

— Пойдемте, — сказал Вельский.

Я подняла на него глаза.

— Куда?

Он чуть повернул голову в сторону дома, как будто и без того было очевидно.

— Еще раз.

Я даже не сразу ответила. Просто смотрела на него, пытаюсь понять, что именно бесит сильнее: смысл сказанного или то, как спокойно он это произнёс.

Будто мы сейчас говорили не о доме, который только что

едва не сложил меня пополам, а о бумаге, которую забыли на подоконнике и за которой надо вернуться.

— Вы серьёзно?

— Да.

— После всего этого?

— Именно после всего этого.

Ветер снова ударил в лицо, полез под ворот пальто, шевельнул волосы, и я вдруг очень ясно поняла две неприятные вещи.

Первая: это и правда очень плохая идея.

Вторая: какая-то часть меня уже знает, что я всё равно пойду. И именно из-за этого захотелось разозлиться ещё сильнее.

— Это очень плохая идея, — сказала я.

— Возможно.

Я устало прикрыла глаза.

— Да прекратите уже.

Он подошёл ближе — не настолько, чтобы это можно было назвать чем-то ещё, но достаточно, чтобы мне опять пришлось внутренне собирать себя по кускам просто потому, что он стоял рядом и смотрел так, будто не собирается отступать ни на шаг.

— Лада.

Голос был ровный, негромкий, почти слишком спокойный для этой минуты. И именно поэтому я насторожилась сразу.

— Я не предлагаю вам подвиг.

Я коротко усмехнулась, без радости.

— Тогда что?

Он не ответил мгновенно. Сначала посмотрел на дом — внимательно, уже без той деловой сухости, с которой смотрят на неудобный объект. Потом снова на меня.

— Помочь мне понять, что именно здесь происходит.

И вот это ударило сильнее, чем если бы он снова начал давить.

Потому что это не было приказом. Не было привычным “делаем так”. Не было даже холодным начальственным “мне нужно”.

Он сказал это так, будто я уже стала частью ответа. Как будто всё, что произошло внутри, было для него не просто сбоем, не моей слабостью, не очередной странностью, которую можно обойти по периметру, а чем-то, без чего картина теперь не складывается.

Я молчала, глядя то на него, то на дом за его плечом, и чувствовала, как внутри снова поднимается злость — уже не такая простая, как раньше. С примесью усталости, стыда и очень дурацкого ощущения, что день опять ушёл не туда.

Я с утра хотела просто пережить эту субботу. Отработать, не облажаться, не создать лишних проблем, уехать пораньше и вернуть себе хоть остатки нормальной жизни.

А вместо этого стояла под ветром перед собственным начальником и слишком ясно понимала: он уже смотрит на ме-

ня не как на помощницу. И даже не как на женщину, которой на объекте стало плохо. Он смотрел так, будто во всём этом есть какая-то моя часть — и без нее дом, место, воздух внутри него не складываются до конца.

Вот это и было самым мерзким. Не просто испорченная суббота, а ощущение, что меня без спроса сдвинули ближе к чему-то, к чему я сама подходить не собиралась.

— Это всё ещё звучит как плохая идея, — сказала я тише.

— Я знаю.

И вот это “я знаю” добило окончательно.

Потому что он не спорил. Не убеждал. Не уговаривал. Просто стоял и ждал, как будто и без того понимал: дело уже не в том, хочется мне этого или нет. Дело в том, что дом, кажется, тоже уже сделал свой выбор.

Не приказ. Не “мне нужно”. Не “вы обязаны”.

И именно это почему-то выбило сильнее, чем его обычная жесткость.

Я уже собиралась что-то ответить — злое, усталое, бессмысленное, — когда это случилось.

Не в доме.

Не в комнате.

Не на пороге.

Прямо здесь, под серым небом, между машиной, ветром, его пальто и моей дурацкой попыткой удержать лицо.

Воздух вдруг стал другим.

Даже не плотнее — это было бы слишком просто. Скорее

натянулся. Как будто секунду назад между мной, Вельским и домом ничего не было, кроме обычного холодного утра, а потом это “ничего” внезапно стало ощущаться слишком отчетливо.

Я не смогла бы показать это кому-то со стороны. Не смогла бы ткнуть пальцем и сказать: вот, видите? Но тело отреагировало раньше головы — резко, без спроса, так, что у меня внутри всё сразу собралось в одну болезненную, ясную точку.

Я вдохнула и замерла.

Вельский не шевельнулся. Только оборвал движение на середине — едва заметно, но я увидела. Увидела, как он смотрит сначала на меня, потом чуть мимо, в сторону дома, и как в его лице за эту долю секунды что-то меняется. Внимание. То самое, с которым он, кажется, смотрит только на вещи, которые для него по-настоящему важны.

И от этого меня пробрало уже по-настоящему.

Потому что дело было не в том, что мне снова стало нехорошо. Не в том, что дом давил, воздух внутри был неправильным, а тело вело себя как предатель. К этому я уже почти успела привыкнуть за последние полчаса. Хуже было другое.

Рядом с ним всё это вдруг ощущалось сильнее.

Не лучше. Не легче. Не безопаснее.

Просто сильнее. Как будто дом до этого цеплял меня вслепую, наугад, а теперь что-то вдруг совпало — и место, и он, и

я оказались в одной точке. Невыносимо близко друг к другу для простой субботы, рабочего выезда и старого дома, который я вообще-то собиралась просто пережить и забыть.

Я подняла на него глаза.

— Вы это почувствовали? — спросила я, и голос почему-то прозвучал тише, чем должен был.

Он не ответил сразу.

Посмотрел на меня.

Потом на дом.

Потом снова на меня — уже так, что у меня под рёбрами неприятно, коротко сжалось. Не от страха даже. От понимания, что теперь это не только моя проблема.

— Да, — сказал он наконец.

Всего одно слово.

Его хватило. Потому что до этой секунды у меня ещё оставалась хоть какая-то жалкая лазейка: нервы, недосып, испорченная суббота, дурная реакция на дом, чувствительная голова, что угодно. Всё то, за что можно цепляться, пока не придётся признать, что происходит что-то, чему у тебя нет нормального, взрослого, городского объяснения.

А теперь лазейки не осталось.

Если даже Вельский, которого вообще трудно заподозрить в лишней впечатлительности, это почувствовал, значит, дело уже не только во мне.

За спиной кто-то из проектников кашлянул и тут же замолчал. Мир вокруг изо всех сил продолжал быть обычным.

Машины. Гравий. Серое небо. Дом, который снаружи всё ещё выглядел просто старым домом, а не тем, чем он, видимо, был на самом деле.

Только воздух между нами и этим домом уже жил по какому-то своим правилам.

И хуже всего было даже не это.

Хуже было то, что какая-то часть меня уже поняла: если мы сейчас действительно зайдем туда вдвоём, обратно я выйду уже не с тем же самым знанием о себе, с которым приехала сюда утром.

Я слишком долго держалась за нормальную жизнь, чтобы не узнать это ощущение сразу.

Это был момент, после которого шаг назад сделать вряд ли получится, и, судя по тому, как Вельский смотрел то на меня, то на дом, он это тоже понял.

Глава 5

Я уже открыла рот, чтобы сказать хоть что-то: послать его к чёрту, согласиться или хотя бы потянуть время, — когда вдруг поняла, что не могу сделать нормальный вдох.

В какой-то момент воздух пошёл не туда, а под рёбрами неприятно, холодно стянуло. Я шагнула чуть в сторону, будто мне нужно было просто больше места, и тут же поняла: нет, дело не в месте. Меня реально сейчас может накрыть обморок.

Только не это.

Не здесь.

Не перед ним.

Я прижала ладонь к животу, больше машинально, чем осознанно, и выдохнула сквозь зубы.

— Черт, — пробормотала я почти себе под нос. Потом, уже тише, почти с надеждой, что если сказать это вслух, оно станет правдой: — Кажется, я всё-таки не выпалась.

Фраза прозвучала жалкой. Настолько жалкой, что мне самой захотелось зажмуриться.

Я подняла на него глаза.

Он смотрел очень спокойно. Без суеты, без этого лишнего мужского “сейчас я вас спасу”, которое я бы, наверное, не вынесла совсем. Просто смотрел — и по лицу было видно, что решение он уже принял.

Не про дом.

Про меня.

— На сегодня хватит, — наконец сказал он.

Вот так. Без колебаний. Без “может быть”. Без “если хотите”. И именно это почему-то задело почти так же сильно, как если бы он начал спорить.

— Я не...

— Хватит, Лада, — повторил он, всё тем же ровным голосом. — В машину.

Я несколько секунд просто смотрела на него, злясь уже на всё сразу — на дом, на себя, на эту испорченную субботу, на то, что он опять так спокойно решает, когда с меня довольно.

Но спорить в ту секунду у меня уже не осталось ни сил, ни достоинства.

Я молча пошла к машине, чувствуя, как внутри всё ещё нехорошо дрожит, будто тело запоздало догоняет то, что голова всё ещё пытается назвать обычным словом “усталость”.

Он пошёл не за мной, а сразу к своим сотрудникам.

Переключился мгновенно. И это было почти обидно — как быстро он умеет собраться обратно в себя.

Секунду назад стоял напротив так близко, что я всё ещё помнила его голос кожей, а теперь уже говорил с людьми об объекте, о замерах, о том, что делать дальше, и в его тоне снова звучала та самая собранность человека, который не даёт ситуации права на хаос.

Я стояла у машины и смотрела на него через ветренный

серый день, чувствуя себя до смешного нелепо.

Потому что меня всё ещё слегка потряхивало изнутри.

Потому что дом стоял передо мной, и одного его вида уже хватало, чтобы в теле снова что-то неприятно сжималось.

Потому что я всё ещё помнила, как воздух натянулся между нами прямо здесь, на улице, и как Вельский это почувствовал тоже.

И потому что рядом с проектниками он выглядел совершенно нормально. Слишком нормально. Будто ничего такого и не случилось. Будто это не у него только что в глазах мелькнуло то самое опасное внимание, от которого мне стало холоднее, чем от ветра.

Очень хотелось отвернуться.

Ещё сильнее хотелось не смотреть, как именно он сейчас выстраивает вокруг произошедшего новый порядок.

Но я всё равно смотрела.

Он говорил тихо, но так, что рядом с ним все сразу становились чуть быстрее и чуть точнее.

Один из сотрудников держал перед собой погасший планшет, как вещдок, от которого ещё не придумали, куда избавиться. Второй что-то показывал на плане. Третий стоял с телефоном у уха, уже без прежней рабочей расхлябанности, которую люди обычно позволяют себе на объекте, если уверены, что всё идёт более-менее по плану.

Более-менее, видимо, закончилось.

— Эту комнату пока закрыть, — сказал Вельский, не по-

вышая голоса. — Никому туда не лезть.

— До повторного осмотра? — спросил кто-то.

— До моего решения.

И вот в этой короткой формулировке было всё. Не “посмотрим”. Не “пока”. Не “наверное”. Дом уже перестал быть просто неудобным объектом и снова стал чем-то, что он держит в руках лично. Не доверяет. Не отпускает.

Он продолжал давать распоряжения, а я ловила себя на том, что начинаю слушать не слова даже, а тон. Как он это делает. Как быстро собирается. Как легко становится центром любой сцены просто потому, что остальные рядом с ним автоматически начинают выравниваться под его ритм.

Наверное, будь я в другом состоянии, меня бы это просто раздражало как привычка большого начальства всё тянуть на себя. Сейчас раздражение шло вперемишку с чем-то еще — с тем, что он уже успел выйти для меня за пределы кабинета, костюма и всех тех понятных рамок, в которых его ещё можно было считать просто большим, совершенно бесчувственным начальником.

Я видела его рядом со мной в тот момент, когда дом среагировал сильнее и теперь любой его спокойный жест почему-то воспринимался острее.

— Документы пока никому не отправлять, — продолжал он. — Замеры перепроверить. Всё, что было по второму этажу, — отдельно.

— Сегодня? — уточнил один из мужчин.

— Сегодня.

Разумеется.

Даже если мир слегка съехал со своих рельс, у Александра Леонидовича всё равно будет список на сегодня.

Я почти позавидовала этой его уверенности.

Потому что уже в следующую секунду он коротко повернул голову и бросил на меня один взгляд. Просто посмотрел — и мне опять стало до смешного ясно, что как бы он ни разговаривал сейчас с другими, часть его внимания всё равно всё это время стоит рядом со мной у машины.

Очень хотелось сделать вид, что я этого не понимаю.

Очень хотелось не понимать.

Но сегодняшний день явно было не про удачные притворства.

Вопрос прозвучал почти у меня за спиной.

Негромко. По делу. Тем самым рабочим тоном, которым обычно обсуждают перенос времени, новый поиск подрядчика или замену человека, не оправдавшего ожиданий.

— Александр Леонидович, — сказал мужчина из тех, кого я до этого успела определить для себя как кого-то из ближнего круга. Не охрана. Не просто проектник. Скорее тот самый человек, который понимает, где и когда можно говорить без лишних слов. — По помощнице тогда ставить собеседования на следующую неделю?

У меня внутри как будто что-то тихо, очень аккуратно оборвалось.

Я даже не сразу поняла, что дышать перестала.

Вот так.

Конечно.

А как ещё это должно было выглядеть со стороны?

Новая помощница. Неделя работы. На объекте едва не сложилась. Огрызалась на шефа. Стояла с лицом человека, которого сейчас стошнит либо от дома, либо от собственной жизни. Очень логично. Очень разумно. Очень по-человечески — заменить до того, как станет ещё хуже.

Мне стало жарко. Настолько не к месту, что я почти машинально сильнее запахла пальто, хотя ветер по-прежнему был холодный.

Мужчина, задавший вопрос, кажется, даже не знал, что я слышу. Или знал, но не придавал этому значения. В системе, где решения принимают быстро, чувства низшего персонала обычно не входят в обязательный пакет учёта.

И хуже всего было не это.

Хуже всего было, что формально он был прав.

Я тоже, наверное, на месте любого нормального зама или руководителя подумала бы примерно так же.

Девушка не тянет. Девушке нехорошо. Девушка, возможно, не выдерживает режим. Надо начинать искать замену, пока не развалилось всё остальное.

То есть даже обидеться толком не на что.

И всё равно меня задело так, что под рёбрами сразу стало пусто и больно, будто этот будничный вопрос попал ровно

туда, куда не надо.

Я смотрела на дом, на забор, на траву, на что угодно, только не на людей, и слишком ясно понимала: вот он, корпоративный мир. Вот так это и выглядит со стороны. Не “особенная реакция”, не “ключ к происходящему”, не весь тот странный, тяжёлый, почти невыносимый воздух, который только что натянулся между мной, Вельским и домом.

А просто помощница, с которой, видимо, пора расставаться.

Вельский ответил не сразу.

Совсем недолго — молчал секунду, может, две. Но этой секунды мне хватило, чтобы внутри уже успело случиться всё: злость, стыд, попытка сделать лицо, будто я ничего не слышала, и очень дурное желание уйти к чертовой матери самой, не дожидаясь, пока меня вежливо снимут с должности в рамках рабочей оптимизации.

Потом он сказал:

— Не нужно.

И всё.

Тем же голосом, которым до этого говорил про замеры, документы и закрытую комнату.

Я подняла на него глаза раньше, чем успела подумать, надо ли.

— Понял, — отозвался тот так же буднично и сразу переключился на что-то ещё, как будто речь только что не шла о моей работе и, возможно, о моём ближайшем будущем.

Нормально.

Всё очень нормально.

Я опустила взгляд на крышку своей термокружки и внезапно слишком остро почувствовала, как устала.

Не физически даже. Физически тоже, конечно, но это было бы даже проще. Хуже было другое: всё сдвинулось слишком быстро.

С утра я всего лишь пыталась пережить субботу без подвигов. Потом был дом. Потом воздух. Потом его рука на моём запястье. Потом это “не нужно”, сказанное так, будто он уже решил что-то важное, а я опять не успела даже понять, в какой момент стала частью этого решения.

По-хорошему, меня должен был сейчас радовать только один факт: работу мне, видимо, пока оставили.

Но радости не было.

Было странное, злое, почти обидное чувство, что он вообще не имел права отвечать так быстро.

Как будто я не просила у него этой лояльности.

Как будто мне было проще, когда всё сводилось к раздражению.

Как будто его спокойное “не нужно” зачем-то сделало всё ещё менее простым.

Я ненавидела, когда мужчины усложняли мне жизнь не романтикой, а решениями.

Когда он наконец подошел ко мне, я уже успела натянуть на лицо самое нейтральное выражение из доступных.

Получилось, подозреваю, не очень.

— Поедем, — сказал он.

— Уже всё?

— На сегодня — да.

“На сегодня” мне не понравилось сразу. В этих двух словах уже слышалось, что сегодняшним днём дело не закончится, и я ещё не решила, готова ли я это знать. После всего, что только что между нами произошло, мы всё равно должны были сейчас просто сесть в машину и выглядеть как вполне обычный начальник со своей помощницей, которые закончили выезд и возвращаются в город.

Вот только ничего обычного в этом уже не было.

Я села в машину, пристегнулась и уставилась в окно ещё до того, как он обошел капот. Просто чтобы не ловить свое отражение в стекле и не видеть на лице всё то, что я пока не собиралась раскладывать по полочкам.

Когда он сел за руль, внутри стало вдруг слишком тихо. Как будто после дома тишина в машине тоже обрела другой вес, и в ней теперь было слишком много всего невысказанного.

Он завёл двигатель.

Мы выехали со двора.

Я смотрела на дорогу, на серые заборы, на редкие деревья, на чужие машины, на всё подряд, только бы не поворачивать голову и не думать о том, что рядом сидит человек, который сегодня: заметил слишком много, не дал мне развалиться, не

исписал меня, и, кажется, теперь знает про меня что-то, чего я сама пока не умею назвать.

Очень плохой набор для одной субботы.

— Вам лучше? — спросил он через несколько минут.

Я усмехнулась почти без звука.

Ну конечно. Не “как вы”. Не “вам нужно домой?”. Не “может, воды?”. Всё так же сухо, всё так же по делу. И именно поэтому отвечать ему честно было даже легче.

— Немного, — сказала я.

Голос прозвучал глуше, чем мне хотелось. Не жалко, не слабо, просто так, как бывает после недомогания, когда самое острое уже отпустило, а вместо него остаётся неприятная внутренняя пустота.

Он кивнул, не отрывая взгляда от дороги.

— Хорошо.

Я устало прикрыла глаза на секунду.

— Не говорите это так.

— Как?

— Как будто вы опять что-то для себя отметили.

Он не ответил сразу. Сначала перестроился, пропустил машину слева и только потом, всё тем же спокойным голосом, сказал:

— Я не веду список.

Я посмотрела на него. Спорить всерьёз уже не было ни сил ни желания, но и оставить это без ответа тоже не получалось.

— Не верю.

— Это ваша проблема.

Обычно после такой фразы я бы обязательно огрызнулась еще раз.

Сейчас сил хватило только отвернуться к окну и сделать вид, что меня больше интересует дорога, чем мужчина рядом, который почему-то всё время умудрялся говорить так, будто знает обо мне на один факт больше, чем мне хотелось бы.

Обратная дорога тянулась не особенно долго, но внутри машины время шло как-то странно.

Мы почти не говорили. Машина шла ровно, город медленно приближался, а тишина между нами всё ещё была слишком тяжёлой для обычной дороги с объекта.

Зато пару раз звонил его телефон.

Первый звонок был нерабочий — это я поняла не по словам даже, а по тону. Не мягкому, нет, до такого Александр Леонидович, видимо, в принципе не опускался, но всё-таки другому.

Он выслушал, коротко сказал, что нет, сегодня не получится, потом после паузы добавил: “«Извинись за меня. В другой раз.”. И по тому, как прозвучало это спокойное “в другой раз”, я вдруг с неприятным удивлением поняла, что у него, оказывается, есть какая-то жизнь за пределами кабинета, совещаний и привычки смотреть на людей так, будто они слегка недоработанный отчёт.

Это почему-то задело отдельно. Не потому что мне было

до этого какое-то дело. А потому что я, видимо, уже слишком удобно уложила его в голову как человека, который состоит только из работы, контроля и дорогого холода. А тут вдруг влезло что-то ещё — короткое, непонятное, чужое, от чего он не стал мягче, но стал чуть менее невыносимым.

Второй звонок вернул всё на место.

Там уже был проект, цифры, сроки и такой объем денег, что я даже в документах вечно сбивалась на нулях, если не считала пальцем по экрану. Вельский слушал молча, потом сказал, что переносить ничего не будут, согласование хочет видеть сегодня, и, помедлив всего секунду, напомнил, чтобы все материалы по сегодняшнему объекту прислали ему напрямую. Не в общий пакет, не через секретаря, не в понедельник.

Ему.

Сегодня.

Вот тут меня снова неприятно царапнуло то, чему я пока не хотела давать название.

Просто если я после этого дома чувствовала себя выжатой почти досуха, то Вельский, наоборот, казался слишком спокойным.

Он не бледнел, не ловил воздух и не стискивал пальцами термокружку. Как будто место не выбило его из ритма, а наоборот, заставило сжать его до предела.

Я смотрела в окно на серые заборы, редкие деревья, грязный снег по краям дороги и думала о том, что еще утром

собиралась просто пережить этот выезд и вернуться домой пораньше. А теперь еду обратно с мужчиной, у которого есть кто-то, кому он может отказать на вечер, есть проекты с деньгами, от которых у меня рябит в глазах, и есть старый дом, который он, похоже, уже мысленно не отпустит, пока не поймет до конца.

Запястье все еще помнило его руку. Не болью. И не жаром. Просто слишком чётко. Как ненужный телесный факт, который память почему-то решило сохранить отдельно от всего остального.

Очень хотелось приехать домой и смыть это ощущение с кожи.

Еще сильнее хотелось выкинуть из головы его “не нужно”, сказанное тому человеку про собеседования.

Это раздражало сильнее, чем я была готова себе в этом признаться.

Не потому, что мне действительно хотелось, чтобы меня заменили, боже упаси. А потому, что я всё ещё не понимала, с какого именно места он вообще начал считать, что имеет право так быстро принимать решения, касающиеся меня, моего присутствия и моего самочувствия на объекте. И почему я при этом злюсь не только на него, но и на себя — за то, что часть меня всё равно испытала облегчение, услышав его ответ.

Гадкое чувство.

Нечистое.

Слишком сложное для половины четвертого в субботу.

Я открыла глаза.

За окном снова начинался город. Всё более плотный, более привычный, более человеческий.

Дома выше. Машины гуще. Люди обычнее.

Всё так, будто можно просто влиться обратно в эту нормальность и перестать быть женщиной, которую старый дом и собственный начальник каким-то образом совместными усилиями вывернули наизнанку.

Хотелось верить, что можно.

Очень хотелось.

Телефон завибрировал у меня в кармане уже ближе к центру.

Я достала его почти с благодарностью — как будто сам факт, что кто-то пишет мне в середине этой вязкой дороги, уже мог вернуть всё на нормальную ось.

Макс: *Ну что, живая? Я всё ещё претендую на твой вечер или тебя окончательно похитили производственные ужасы?*

Я смотрела на экран дольше, чем нужно.

Вот оно. Нормальное. Человеческое. Тёплое. Без подтекста, который нужно расшифровывать, без пауз, в которых у тебя начинается портиться дыхание.

Просто Макс.

Просто мужчина, который хочет провести со мной вечер и не считает это чем-то, что надо отдельно заслужить или

объяснить.

Я должна была почувствовать облегчение.

Или хотя бы радость.

Вместо этого я почему-то первой почувствовала вину.

Потому что он пишет мне из нормальной жизни, где максимум проблема — испорченный выходной и странный начальник, а я уже еду обратно с ощущением, что в этот выходной влезло что-то совсем не из той категории, которую можно обсудить за ужином.

Я открыла чат, закрыла, открыла снова.

Живая.

Написала, стерла.

Почти доехала.

Стерла и это.

Черт.

Что со мной вообще происходит, если я не могу даже Максиму ответить нормально?

— Всё в порядке? — спросил Вельский, не глядя.

Я резко заблокировала экран.

— Да.

И тут же мысленно выругалась.

Потому что это “да” прозвучало ровно так же, как звучало у меня весь день, когда ничего не было в порядке.

Он ничего не сказал.

Не спросил, кто пишет. Не посмотрел. Не сделал вообще ничего лишнего.

Я снова посмотрела на телефон.

Сообщение от Макса светилось на экране так, будто всё ещё было просто. Будто я сейчас отвечу, мы увидимся, и вечер аккуратно исправит то, что произошло днем.

Очень хотелось, чтобы так и было.

Когда он остановил машину у офиса, я не сразу отстегнулась.

За окном был город. Обычный. Субботний. С людьми, машинами, вывесками, крошечными пакетами из магазинов, кофе навынос, чужими разговорами, жизнью, в которую можно было бы просто шагнуть и сделать вид, что ничего особенно не произошло.

Я сидела, глядя в лобовое стекло, и почему-то не могла заставить себя сделать самую простую вещь — просто открыть дверь и выйти в город.

Телефон снова дрогнул в руке.

Макс: *Давай я тебя всё-таки украду хотя бы на ужин. Без права опять выпасть из жизни у меня на глазах.*

Я почти улыбнулась.

Потому что в ту же секунду слишком ясно поняла: дело уже не в том, есть у меня вечер или нет. Вечер, может быть, еще и будет.

Ужин, Макс, город, нормальные разговоры, еда, попытка вернуться в свою человеческую колею — всё это формально пока оставалось на месте.

Вот только я уже сидела в этой машине не той, что села

в нее утром.

И дом остался у меня в висках, в запястье, в той новой, очень неприятной точке внутри, где уже не получалось честно сказать себе, что всё это — просто дурная реакция на старое место.

Если даже Вельский, которого вообще трудно заподозрить в лишней впечатлительности, это почувствовал, значит, дело уже не только во мне.

Я потянулась к ручке двери.

— Лада.

Я обернулась.

Он смотрел на меня спокойно. Как всегда. Но после сегодняшнего дня этого спокойствия уже почему-то не хватало, чтобы сделать вид, будто он сейчас скажет что-то обычное.

— На сегодня всё, — сказал он. — Но это место мы не закончили.

Вот и всё.

Одной этой фразы оказалось достаточно, чтобы всё внутри снова неприятно, тяжело сдвинулось.

Не закончили.

Не объект. Не осмотр. Не рабочий день.

Место.

Я кивнула, потому что не доверяла собственному голосу.

Вышла из машины.

Закрыла дверь.

И только когда он уехал, а ветер снова полез в волосы, я

поняла одну простую, дрянную вещь: нормальная жизнь все еще стоит передо мной с сообщением от Макса на экране, только теперь между мной и этой жизнью уже есть старый дом, Вельский и воздух, который рядом с ним вдруг начал жить по другим правилам.

Глава 6

Домой я добралась уже под вечер, в том состоянии, когда формально ещё не развалилась, но по факту держишься на одной вредности и злости.

Телефон завибрировал, стоило мне только снять пальто.

Макс: *Ну что, я всё ещё могу тебя украсть хотя бы на ужин?*

Я села на край кровати, не включая свет. Только свет лампы из коридора ложился на пол, на стул со свитером, на брошенную сумку.

В квартире было тихо. По-настоящему тихо. После дома, после дороги, после Вельского, после этого вязкого дня тишина должна была бы успокаивать, но почему-то не успокаивала. Наоборот — в ней всё слышалось громче. И то, как в висках еще чуть гудит, и как ломит плечи, и как тело до сих пор не до конца вернулось в моё нормальное, привычное мне состояние.

Я открыла чат.

Закрыла.

Открыла снова.

Не сегодня, ладно?

Стерла.

Я устала как собака.

Тоже стерла.

В итоге написала: *Можно завтра днём? Сегодня я никакая. Прости.*

Ответ пришел почти сразу.

Можно. Но мне это не нравится.

Я смотрела на экран и чувствовала, как внутри снова поднимается то тупое, неприятное чувство, которое весь день будто бы меняло форму, но никуда не девалось.

Вина, злость, усталость, недоумение — всё разом, и ничего нельзя аккуратно отделить от другого.

Мне тоже, — написала я.

И только после этого отложила телефон.

Макс не стал устраивать сцену. Не стал дожимать. Не начал писать “что случилось?” или “это опять из-за него?”, хотя мог бы, наверное. Именно поэтому стало ещё хуже. Потому что когда человек хороший, каждый

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.